

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ*

© 2015 г. Вадим Викторович Дементьев

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, 410012, Россия
dementevvv@yandex.ru

Развивается идея, что для представления речевой картины современности может быть эффективно использована теория речевых жанров, благодаря таким потенциям данной теории, заложенным Бахтиным, как связь речевых жанров и языка, принципиальная диалогичность «темы», «стиля» и «композиции» речевого жанра, противопоставление первичных и вторичных речевых жанров, способность некоторых речевых жанров к творческому варьированию. В центре внимания оказывается современная (рубеж XX—XXI вв.) речежанровая картина с ее тенденциями к глобализации и интернетизации, хотя предлагаемая методика исследования имеет, по замыслу автора, более универсальный характер. Рассматриваются лексический и этимологический аспекты речевых жанров, составляющих своеобразие данного периода, иллокутивно-целевой параметр, тенденция к заимствованию жанров.

Ключевые слова: теория речевых жанров, современность, заимствование речевых жанров, вторичные речевые жанры, интернет-жанры, этимология

«SPEECH GENRE» THEORY AND ACTUAL PROCESSES IN CONTEMPORARY SPEAKING

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, 410012, Russia
dementevvv@yandex.ru

The idea is developed that the theory of speech genres can be effectively used for representing the speech picture of modernity. This is made possible due to such potentialities of this theory, advanced by Bakhtin, as the connection between speech genres and language, the dialogic nature of «theme», «style», and «composition» of speech genre, the existence of primary and secondary speech genres, the ability of some speech genres for creative variation. In the article, the current modernity (at the turn of the 21st century) is analyzed, with its trends towards globalization and the Internet, although the proposed model has, according to the author, a more universal potential, thanks to the inclusion of such parameters as etymological and lexical aspects of speech genres, illocutionary target-setting, and the tendency to borrow genres.

Keywords: theory of speech genres, speech picture of modernity, borrowing speech genres, secondary speech genres, internet genres, etymology

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по заданию № 2014/203, код проекта 1549.

Введение

Как пересекается представление лингвистической картины современности с проблематикой теории речевых жанров?

Теория речевых жанров (далее — ТРЖ) является одним из наиболее активно развивающихся направлений исследований речи (о развитии и современном состоянии ТРЖ в России и за ее пределами см., например, в монографиях и коллективных монографиях [Swales 1990; Adamzik 1995; Gatunki mowy 2000—2007; Witosz 2005; Антология речевых жанров 2007; Fix 2008; Дементьев 2010; Покровская и др. 2011; Шерстяных 2013], журнале «Жанры речи»¹). Вместе с тем сегодня вряд ли можно с уверенностью говорить о том, что ТРЖ стала полноценной частью лингвистики, — видимо, правильнее говорить об отношениях ТРЖ и лингвистики, и отношения эти не вполне гармоничные. Вопреки радужным надеждам исследователей, которые стояли у истоков ТРЖ в 1990-е гг., на то, что эта максимально приближенная к «живой жизни языка» внешелингвистическая дисциплина наконец-то поможет проникнуть во многие давние «тайники» языка и речи (такие соображения часто высказывались в работах 1990-х гг., в том числе в «Вопросах языкознания», например [Арутюнова 1992; Федосюк 1997; Дементьев 1997; 1999]), реальные результаты оказались скромнее, чем ожидалось, а их лингвистический статус неоднозначен. До сих пор не даны ответы на наиболее принципиальные вопросы (например, какие механизмы позволяют носителю языка идентифицировать речевые жанры в тех случаях, когда ни конкретная языковая форма реплик, ни их последовательность не имеют ничего общего с теми, с которыми он уже сталкивался в своей речевой практике, — часто высказываемая исследователями идея «ключевых» слов, опорных реплик или типических интенций не может быть эффективно применена во многих случаях, поскольку известные заранее «ключевые» конструкции и речевые фигуры могут вообще не встретиться во вполне гладко протекающем речевом общении); методика речежанровых исследований по степени формализации несопоставима с традиционными лингвистическими моделями. В результате сегодня среди лингвистов, особенно традиционных, ориентированных на индуктивные исследования, распространено скептическое отношение к ТРЖ. К сожалению, у них есть для этого некоторые основания. Нельзя сказать, что ТРЖ ничего не может дать для изучения традиционных лингвистических объектов: синтаксиса, лексики, морфологии, фонетики, — может (просто для того чтобы прямо использовать результаты и положения ТРЖ для данных целей, очень многое еще предстоит сделать), и все же пока что базовые положения ТРЖ даны лингвистике как бы «на вырост»: положения, что жанры речи управляют порождением и интерпретацией текста; что есть какие-то конкретные жанры (условные *X*, *Y*, *Z*...), а также их типы, принимаются скорее *дедуктивно*, между ними и настоящим лингвистическим анализом языкового материала зияет лакуна, заполнить которую лингвистическим инструментарием и методикой еще только предстоит. «Происходит сдвиг от излишней формализации к выдвигению нестрогих и непроверяемых положений. Многим современным функциональным исследованиям свойственны стремление сразу дойти до решения всех проблем без прохождения неустраиваемых промежуточных этапов и отсутствия необходимого разграничения понятий», — пишет В. М. Алпатов о современных коммуникативных исследованиях в целом [Алпатов 2014: 9].

Это не значит, конечно, что пытаться заполнять лакуны не надо уже сейчас: надо, пусть настоящие результаты — скорее в будущем.

¹ В 1997—2012 гг. — серийный сборник, с 2013 г. — международный журнал. Онлайн-версию журнала см.: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>, сборника — <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi>.

Но, по нашему убеждению, ТРЖ уже в сегодняшнем своем виде может быть весьма полезна лингвистике (очевидно, что дедуктивные модели могут быть полезны не менее, чем индуктивные, надо только разобраться, для каких целей какие модели следует применять). Думается, что сейчас это именно задачи более общего плана, которые в дальнейшем могут служить ориентирами для будущих более конкретных, индуктивных лингвистических исследований.

К таким, несомненно, относится и проблема, которой посвящена настоящая статья, — **представление речевой картины современности**. По нашему мнению, с одной стороны, данная задача является актуальной для современной лингвистики (ср. коллективные монографии [Русский язык 1996] и [Современный русский язык 2008]), с другой — ТРЖ уже располагает достаточно эффективным инструментарием для ее начального решения. В целом активное участие в лингвистическом изучении актуальных процессов современной речи, несомненно, является одной из главных тенденций ТРЖ. Начальный импульс такому изучению был дан еще М. М. Бахтиным, определившим РЖ как «приводные ремни от истории общества к истории языка» [Бахтин 1996: 165].

В современной ТРЖ данный аспект разрабатывается в нескольких группах исследований:

- изучение современности: культуры, коммуникации, общества через призму РЖ («Речевые жанры, выделенные данным языком, являются <...> одним из лучших ключей к культуре данного общества» [Вежбицкая 1997: 111]). К сожалению, специальных работ, в которых данная проблема решалась бы систематически, пока очень мало — можно назвать лишь единичные, хотя и интересные попытки: [Аверинцев 1986; Карасик 2013; Mustajoki 2013];
- изучение самих РЖ через призму современности: собственно говоря, почти каждое исследование, претендуя на адекватность, использует комплексный подход, при этом связывает изучаемый РЖ с более или менее широким культурно-историческим контекстом. Назовем лишь несколько работ, с нашей точки зрения, наиболее показательных: [Hanks 2000; Салимовский 2002; Седов 2006; Lakoff 2006; Покровская и др. 2011].

В этом направлении чаще всего изучаются два аспекта: появление новых РЖ и новые особенности, трансформации некоторых традиционных РЖ.

Первый аспект наиболее очевиден тогда, когда целые сферы коммуникации, в которых формируются соответствующие РЖ, тоже являются новыми — в глобальном масштабе (например, Интернет) или региональном (ср. формирование или возрождение в посткоммунистических России и бывших странах соцлагеря ряда новых и «хорошо забытых старых» сфер и жанров, присущих капиталистическому обществу, таких как *биржевые новости*, большинство *рекламных жанров, жанры корпоративной коммуникации, интервью топ-менеджеров* [Ратмайр 2013]).

Второй аспект составляют иногда довольно тонкие особенности структуры и функционирования РЖ, видоизменяющихся под действием внешних факторов, — ср., например, исследования «вербальных дуэлей» у афроамериканской городской молодежи, которые проводил еще в 1970-е гг. Р. Абрахамс [Abrahams 1974], исследования по коммуникативной компетенции современной городской российской молодежи, которые осуществляются в Саратове [Сиротинина 2013]. Такие видоизменения традиционных РЖ могут затрагивать в них собственно лингвистические аспекты, например синтаксис, лексическую семантику (ср. новое значение *интервью* ‘собеседование при приеме на работу’ из *job interview*); стилистический аспект (*научный стиль* становится более свободным, по крайней мере, в немалой части гуманитарных наук); иллокутивный аспект (см. ниже о прагматике современного *интернет-флирта*).

Для обсуждаемой проблемы значимы осуществленные в последние годы основательные исследования по РЖ в научном дискурсе [Салимовский 2002; Dönninghaus 2005], публицистическом [Дускаева 2012; Шмелева Т. 2012], религиозном [Бобырева 2007; Wojtak 2011], политическом [Lakoff 2001; Шейгал 2004], педагогическом [Олешков 2012],

медицинском [Пономаренко 2011], судебном [Дубровская 2010; Палашевская 2012], разговорном [Борисова 2001; Tannen 2010], интернет-дискурсе [Herring 2007; Щипицина 2009]. Во всех этих работах много внимания уделяется трансформациям, новым явлениям, хотя далеко не везде для их исследования предлагаются и новые методы.

Логично ожидать, что именно на основе данных работ может быть создана «речежанровая теория актуальных процессов современности». В идеале такая теория должна строиться на материале различных языков / речевых культур и временных срезов, хотя на практике, по понятным причинам, мы сосредоточиваемся в основном на начале XXI в., на материале русскоязычном и англоязычном (отчасти — других языков).

1. Методика

Для решения поставленной задачи, т. е. изучения коммуникативно-речевой современности через призму ТРЖ, как внутри какой-либо одной языковой ситуации (например, российской), так и за ее пределами (региональной, идиоэтнической, глобальной: здесь на первый план выходит сравнительный аспект, взаимовлияние культур, заимствование их элементов, включая РЖ), предлагается использовать методику, которая разрабатывалась в конце XX — начале XXI в. в рамках отечественной, отчасти — зарубежной теории речевых жанров для изучения различных аспектов РЖ. То, что все эти исследования развивают положения одной концепции РЖ, восходящей к идеям М. М. Бахтина, позволяет использовать их в качестве отдельных параметров единой модели.

Перечислим положения, разработанные в рамках различных направлений современной ТРЖ (по некоторым из проблем осуществлены специальные исследования, включая монографии, диссертации, специальные выпуски сборника «Жанры речи»²), на которые, с нашей точки зрения, должно опираться речежанровое представление картины современности, даже если в данных исследованиях не ставилась непосредственная цель представить общую картину.

- Набор (система) жанров, существующих в данной культуре в данный период времени, является важнейшей частью своеобразия данной культуры, данного коммуникативного пространства, речи и языка (и их отдельных сфер, таких как повседневное, научное, деловое общение, сфера политики, рекламы и т. п.).
- Данный набор обусловлен общим состоянием культуры и ее составляющих, где важнейшими являются социальные факторы (структура общества, социальные институты, коммуникативные ценности и представления о допустимом и недопустимом, «хорошем» и «плохом» в общественном поведении, официальных и межличностных отношениях), а также, так сказать, социальное преломление всех остальных факторов (таких как экономический, технологический и др.)
- Трансформации РЖ, вызванные появлением новых сфер, условий и средств коммуникации, происходят по законам **речежанровой вторичности**, впервые описанным М. М. Бахтиным [Бахтин 1996: 161—170]. Напомним концепцию Бахтина, изложенную в ставшей классической статье «Проблема речевых жанров», а также в других его работах:

Вторичные (сложные) речевые жанры — романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. — возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения. Эти первичные жанры, входящие

² Например, четвертый выпуск сборника (2005) был посвящен проблеме «Жанр и концепт», пятый (2007) — «Жанр и культура», шестой (2009) — «Жанр и язык», седьмой (2011) — «Жанр и языковая личность», восьмой (2012) — «Жанр и творчество».

в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям; например, реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни. Роман в его целом является высказыванием, как и реплика бытового диалога или частное письмо (он имеет с ними общую природу), но в отличие от них это высказывание вторичное (сложное) [Там же: 161—162].

Бахтин подчеркивает, что деление речевых жанров на первичные и вторичные «существенно» и в то же время «не функционально» [Там же: 161]. «Бихевиористическая» (дескриптивистская) лингвистика, по мнению исследователя, есть крайний случай «ориентации на первичные жанры» [Там же: 162]. Таким образом, вторичные РЖ, с одной стороны, являются новыми жанрами, с другой — сохраняют отношения производности с соответствующими первичными. На этом основании, в частности, строится большинство современных классификаций вторичных РЖ (см. обзор в [Дементьев 2010: 164—184]), например, выделяется **диахроническая речежанровая вторичность**, предполагающая отношения последовательности во времени между первичными и вторичными жанрами (противопоставление речевых и риторических, прямых и косвенных, выучиваемых и невыучиваемых жанров), и **синхроническая** (противопоставление речевых единиц разных уровней абстракции, например: речевой акт, субжанр, жанр, гипержанр). Такой подход позволяет точнее понять целый ряд речежанровых явлений начала XXI в. (например, интернет-жанры, появление которых, казалось бы, никак не мог предвидеть Бахтин [Рогачева 2011; Щурина 2012]).

- Не менее принципиальной для представления речежанровой картины современности является другая типология РЖ, также предложенная Бахтиным, — разграничение стандартизированных жанров типа *приветствия* и *поздравления*, где говорящий очень мало что может привнести от себя, и более свободных жанров [Бахтин 1996: 187]. Именно свободные, не жесткие жанры, способные к творческому использованию, варьированию, следуют за изменениями жизни и коммуникации — жесткие жанры на это неспособны и в изменившихся условиях либо порождают вторичные РЖ, либо утрачиваются, заменяясь на совсем новые, иногда заимствованные (ср. этикетные жанры в дореволюционной России, СССР и постсоветской России). Существуют РЖ, которым, для того чтобы они были успешны, необходим творческий момент: *тост*, *розыгрыш*, *буриме*, новые *имиджборды*, «*тирожки*» и «*порошки*».
- Набор новых РЖ, составляющих своеобразие новых периодов, может пополняться за счет **заимствований** из других культур [Аверинцев 1986; Лотман 1994; Старобинский 2002; Шеффер 2010]. Значимыми являются взаимные отношения между культурами, тенденции к одностороннему или двустороннему влиянию; для настоящего периода, несомненно, одной из наиболее существенных особенностей является глобализация.
- **Прагмалингвистическое** осмысление РЖ из «набора» картины современности предполагает, прежде всего, выявление жанрово типизируемых интенций (в прагматической генрике к важнейшим относят фатику, информатику, воздействие [Борисова 2001; Дементьев 2010; Китайгородская, Розанова 2010]); в этой части ТРЖ сближается с хорошо разработанной методикой и терминологией теории речевых актов [Вежбицкая 1997; Кожина 1999; Dönninghaus 2001]. Важно также учитывать отношения между буквальным значением высказывания (пропозиции) и актуальным коммуникативным смыслом (прямые и косвенные высказывания), например, косвенность является типологической характеристикой группы фатических речевых жанров [Дементьев 1999; 2010: 209—235].
- Одним из наиболее значимых является **социальный фактор**, с которым часто связан фактор **аксиологический**: владение / невладение определенными жанрами, как и само использование того или иного жанра, может выступать в качестве оценочной

характеристики как в национально-культурном, так и более частном внутрикультурном или групповом плане, «есть жанры, существование которых в рамках одного языкового сознания взаимоисключает друг друга» [Седов 2011: 31]. В качестве примера можно привести русский *разговор по душам* (гармоничное общение, принадлежащее неофициальной сфере непосредственной устной спонтанной коммуникации, основная коммуникативная цель которого состоит в установлении или укреплении межличностной близости, моральной поддержке, обмене важной личностной информацией), невладение которым, неспособность «открыть душу» в традиционной русской культуре является отрицательной и в а с т в е н н о й характеристикой (ср. чеховских *обывателей*), или польский *kawał* («Жанр *kawał*, представляющий собой тип “конспиративной шутки”», ценят не за искусство или утонченность, а за чувство корпоративного единения, которое он дает, подразумевается: я могу рассказать это тебе, но есть люди, которым я не могу это рассказать» [Вежбицкая, Годдард 2002: 150]). См. седьмой выпуск сборника «Жанры речи», в котором рассматриваются два основных аспекта проблемы «жанр и языковая личность» — речевой жанр через призму языковой личности и языковая личность через призму речевого жанра [Жанры речи 2011].

- Наконец, для **лингвистического** осмысления и систематизации РЖ особенно важно учитывать лексику, синтаксис (пропозиции), а также отношения этимологического типа, например, существующие между новыми вторичными жанрами и традиционными первичными; между заимствованными из других культур и их аналогами там (это касается и этимологии названий жанров и их компонентов: ср. случаи, когда для именованя новых, вторичных жанров используется то же слово, что для старых, например, русск. *интернет-дневник*, *Живой Журнал*, англ. *web log*, *Live Journal*, *chat* (первонач. ‘болтать’ или ‘болтовня’)).

Методика системно-структурного и функционального лингвистического анализа основывается на реконструкции системы базовых единиц, которые могут быть выделены в тексте и затем исчислены, относится это и к новым прагмалингвистическому и лингвокогнитивному методам. Решить эту задачу в полном объеме — создать модель, сопоставимую с формальными моделями, используемыми в структурной лингвистике, конечно, непросто (с трудностями такого рода хорошо знакомы лингвисты, изучающие речь, оперирующие текстовыми, дискурсивными и т. п. единицами высоких уровней). В то же время показательно, что РЖ исследуют прежде всего лингвисты. Разумеется, это не случайно. Вспомним, что Бахтин подчеркивал связь РЖ и языка, а тем самым — важность лингвистического аспекта речевых жанров: «Речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык, <чей> словарный состав и грамматический строй мы узнаем не из словарей и грамматик, а из конкретных высказываний, которые мы слышим и которые мы сами воспроизводим в живом речевом общении с окружающими нас людьми» [Бахтин 1996: 181]. В числе наиболее значительных лингвистических моделей, которые успешно используются для изучения РЖ, безусловно, следует назвать широко известную «анкету речевого жанра» Т. В. Шмелевой, представляющую собой разновидность компонентного анализа [Шмелева Т. 1997]; отметим, что при использовании данной анкеты лингвистами применительно к жанрам особых или новых сфер в нее часто включаются дополнительные параметры — см., например, изучение «естественной письменной речи» [Лебедева 2007].

Перечисленные положения позволяют составить предварительный список **параметров модели**, по которой могут быть описаны наиболее критические события речежанровой современности. Лингвистический статус выделяемых параметров может быть определен следующим образом: их речежанровое содержание несомненно (все они являются жанрообразующими с точки зрения речевой структуры), хотя принимается дедуктивно; их языковое содержание обуславливается данным речежанровым содержанием иногда непосредственно (лексемы — наименования жанров, ключевые слова и фразы в речи, композиционное оформление высказываний), иногда опосредованно и может быть выявлено в результате корректного использования предлагаемой методики:

- **предмет речи**, в том числе прагматические диалогизированные аспекты его: что именно, с какой целью, в каком контексте, с какой оценкой сообщают друг другу собеседники в рамках того или иного речевого жанра («тема РЖ» по Бахтину);
- **стиль** (шире — коммуникативная тональность, где особенно важна степень серьезности), куда входит тоже не только экспрессия как таковая, но и ее, так сказать, прагматика («стиль РЖ» по Бахтину);
- **лексика**: наименования жанров и их компонентов, семантическая структура данных номинаций (включая их этимологию, а также метафоры, которые особенно значимы в случае вторичных РЖ); это то «имя жанра», которое «первым приходит в голову» при опознании типа диалогического взаимодействия, а также ключевые слова и фразы в речи, по которым тоже осуществляется идентификация;
- особенности **синтаксической структуры**, которые еще важнее, чем конкретное лексическое наполнение, для опознания и интерпретации РЖ (так считал и М. М. Бахтин — ср. его понятие «композиции РЖ»);
- **целеполагание**: идентификация и характеристика РЖ, социально-ролевой структуры и контекста на иллюкутивно-целевой основе;
- наконец (параметр, отсутствующий в модели Т. В. Шмелевой, но очень важный в концепции Бахтина), — отношения речеганровой **первичности-вторичности**, включая отношения традиционных и новых, «техногенно обусловленных» жанров;
- **социальный фактор** и связанный с ним **аксиологический**;
- общая **внешнекультурная** и **внутрикультурная парадигма** (включая языковую политику, моменты глобализации или, наоборот, изоляции);
- для данной цели также должны быть выделены основные **коммуникативные сферы**, где роль речевых жанров для данного периода является особенно критической или где происходят их значимые трансформации, — сферы устной непосредственной речи, публицистики / СМИ (а в настоящее время очень важен Интернет), политической коммуникации, рекламы и т. д.;
- отдельные **источники материала**: так, текстовая часть материала может быть отобрана и обработана при помощи новейших технологических возможностей — корпусных баз данных и методов корпусной лингвистики.

Для представления разных периодов и разных культур данные параметры могут быть в разной степени актуальны: например, для настоящего времени особенно актуальны глобализация, интернет-сфера общения, а с методологической точки зрения — появление корпусов.

Ниже представлен лишь начальный опыт такого исследования. Взята пока одна современная речевая картина — рубеж XX—XXI вв., — которая рассматривается не по всем названным параметрам, а только по некоторым, как представляется, наиболее показательным, в результате выделяются характерные особенности, отличающие ее от предшествующих периодов.

2. Внешнекультурная парадигма: РЖ и глобализация

Глобализация обуславливает целый ряд особенностей речевых жанров. Так, с одной стороны, процессы, выявленные для новых РЖ в одной культуре (например, русской), часто имеют более универсальный характер, чем это было (и могло быть) несколько десятилетий назад. С другой стороны, на первый план вновь (как и в другие динамичные эпохи, такие как Петровская и послереволюционная эпохи в России / СССР или «постсамурайская» в Японии XIX в.) закономерно выходят проблемы **заимствования** жанров, перенесения их из одной национальной речевой культуры в другую (в большинстве случаев это приводит к тому, что на новой национальной почве развиваются новые жанры), соответственно — проблемы речеганровой лакунарности, безэквивалентности и т. д.,

которые пока и для глобальной картины, и для отдельных культур получили в лучшем случае лишь начальное осмысление (например, в [Аверинцев 1986; Hanks 2000; Фенина 2005; Алпатов 2007]).

И для первого, и для второго аспектов глобализации в современной коммуникации очевидно большую роль играет развившийся за последние десятилетие-полтора Интернет: его «речежанровой картине» будет посвящен следующий раздел, пока же подчеркнем, что все основные интернет-жанры (*блог, форум, чат, интернет-энциклопедия*) являются универсальными и несомненно имеют гораздо больше общего в разных культурах / языках с точки зрения своей речежанровой структуры, чем различий. При этом все они изначально осуществлялись на английском языке, отсюда большое количество англицизмов (или универсализмов на базе английского языка) в общении в рамках данных жанров на других языках.

Конечно, стремление к унификации, жанровые заимствования, особенно активизировавшиеся в мире примерно в это же время, характерны и для традиционной коммуникации. Подобный опыт очень богат у Европы: несомненно, языковые структуры широко известных лингва франка, пиджинов складывались на основе отработанных речевых практик, т. е. РЖ (прежде всего в сфере торговли, но не только), однако информации о тех средневековых жанрах, как и коммуникации людей в целом сохранилось очень мало. Значительно благоприятнее для жанроведа современная ситуация. Так, в странах Евросоюза в непосредственное устное общение ежедневно вступают миллионы носителей разных языков / «речежанровых компетенций». В результате происходит не только взаимообмен жанрами, но и формирование новых РЖ, которые еще только начинают изучаться. Ср. исследование А. Мустайоки, посвященное новому, с его точки зрения, жанру в странах Евросоюза — *международной конференции на английском лингва франка*: конференция проводится обычно в другой стране, большинство участников говорят не на родном языке, при этом использование лингва франка добавляет парадоксальную особенность общению: люди понимают друг друга лучше, чем в естественных условиях [Mustajoki 2013]. Добавим, что подобный жанр, конечно, можно представить и в России, но все же труднее, чем в Хельсинки, где, в свою очередь, он практически невозможен на финском языке (тогда как международная конференция в Москве и даже вне России на русском лингва франка — распространенное явление, хотя сейчас и меньше, чем лет 30 назад).

Заимствования РЖ, обусловленные глобализацией или ее аналогами в предшествующие эпохи, — далеко не новое явление, и в лингвистике (шире — филологии) такие жанры неоднократно рассматривались. Ср. такой жанр неофициального публичного фатического общения представителей привилегированного класса, как *светская беседа* (далее — СБ) (используем для простоты это название русского варианта данного жанра, хотя оно и не вполне корректно по отношению к другим культурам), — думается, о данном жанре, имеющем отчетливое социальное и аксиологическое содержание, актуальном и для прошлых периодов, и для настоящего, следует сказать подробнее. Исследователями были показаны универсальные черты такого общения в разных европейских культурах, развивавшихся в сторону цивилизованности: западноевропейских (сначала романских, потом германских) [Старобинский 2002] и в русской культуре (собственно *светская беседа*) [Лотман 1994; Фенина 2005].

СБ, согласно И. А. Стернину, — «взаимно приятный, ни к чему формально не обязывающий разговор на общие темы, основная цель которого — провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте, в роли официальных гостей либо в роли только что представленных друг другу и еще мало знакомых друг с другом людей» [Стернин 1996: 3]. Согласно К. Ф. Седову, СБ представляет собой одну из разновидностей базового гипержанра фатического общения *разговор*, доминанту СБ исследователь определяет как *вежливость* (другие разновидности гипержанра *разговор* — *разговор по душам* (доминанта *искренность*), *болтовня* (доминанта *несерьезность*), *дружеский разговор*, он же — *разговор в компании* (доминанта *дружелюбие*)) [Седов 2011: 33—36].

В русской культуре представления о коммуникативных нормах и образцах СБ восходят к Петровской эпохе, когда складывались нормы поведения представителей власти, которые должны вести себя не как все, говорить на языке, непонятном простолюдинам (при Петре скорее по-немецки, потом — по-французски), — и иначе общаться фатически. В это время на существующее представление о коммуникативных образцах, опирающееся на традиции народной культуры, накладываются нормы заимствованного жанра СБ, которые во многом остаются актуальны: элитарность (СБ владеют не все, за собеседником признается достаточно высокий социальный статус), праздничность (собеседники будут говорить скорее всего о том, что, с их точки зрения, может представлять интерес), и з о щ р е н н о с т ь (по-французски). Как показывают исследования, к концу XX в., несмотря на то что не было «света», т. е. дворянства, основные содержательные доминанты понятия *светский* остались прежними: с одной стороны, высокий социальный статус, элитарность, с другой — некоторая фальшь, пустота [Антология речевых жанров 2007: 149—161]. Интересно, что первые существенные изменения как в общекультурном, так и в лингвистическом содержании *света / светского* произошли на протяжении последних десяти-пятнадцати лет. Мы имеем в виду появление в это время у *светский* частичного синонима — заимствованной лексики *гламур / гламурный*. Данная лексема называет новое и уже ставшее очень заметным, хотя во многом еще не сформировавшееся до конца явление. Анализ контекстов, в которых в русской речи новейшего периода встречаются *светскость* (коммуникативная составляющая — *светская беседа*) и «*гламурность*» (коммуникативная составляющая которой пока не ясна: ?*гламурная беседа*), будет представлен в разделе 5.

Несмотря на то, что СБ в русской культуре — заимствованный жанр, его аналоги в других европейских культурах могут быть полностью или частично лишены перечисленных качеств. Это было показано экспериментальным способом в кандидатской диссертации В. В. Фениной [Фенина 2005], в которой сравнивались русская *светская беседа* и *small talk* в англосаксонской культуре.

Информантам (около 200) — преподавателям и студентам саратовских и волгоградских вузов — была предложена анкета, содержащая вопросы: *Какого человека можно назвать светским? Какой должна / не должна быть настоящая светская беседа? Какие из перечисленных тем наиболее подходят для светских бесед? Кому необходимо владеть светской беседой?* и т. д. Результаты анкетирования показали, что в представлении современных носителей русского языка светский человек — это тот, кто всегда ведет себя согласно правилам этикета, воспитанный, с хорошими манерами (76%), образованный, интеллигентный, эрудированный (56%). К таким людям большинство опрошенных отнесло режиссера Никиту Михалкова (52%), Президента РФ Владимира Путина (34%), телеведущего Владимира Познера (32%). Светская беседа должна быть прежде всего интересной — 64% (причем информанты, отмечавшие «интересная», как правило, отмечали также «красивая») и не должна быть агрессивной, пошлой и пустой. Во время светской беседы говорят о литературе, театре, кино (80%), о новостях из общественной жизни (57%) и, как правило, не говорят о погоде, спорте, религии, семье, работе. Светской беседой должен владеть прежде всего человек культурный, известный, успешный, представитель элиты, «изысканных» профессий: дипломат (51%), журналист (47%), артист (47%), политик (38%), бизнесмен (33%), реже назывались ученые (19%) и крайне редко — военные (3%).

Позже было проведено анкетирование около ста американских преподавателей и студентов Вайомингского университета. Были предложены сходные вопросы: *Which words would you immediately associate with small talk? Why do we need to use small talk? Which would be the most appropriate topics during small talk? What kind of person should be able to use small talk? How would you define a small talker?* и т. д. Ответы лишь отчасти совпали с данными первого эксперимента: в сознании носителей английского языка *small talk* есть доброжелательное (86,1%), повседневное (64,5%), неоткровенное (51,1%) и поверхностное (51,1%) общение, имеющее целью создание доброжелательной психологической атмосферы (69%) и заполнение пауз (52%). Наиболее распространенными темами *small talk* являются спорт

(82%) и погода (78,4%), а также проведение выходных (68,4%). Подавляющее большинство опрошенных американцев (78,7%) считает, что данным речевым жанром должен владеть каждый человек (*everyone*) независимо от профессии и социального статуса (в том числе *businessman/woman, show-biz celebrity, politician, diplomat, scientist, PR, military person*).

Для изучения подобных жанров необходимо тщательно разграничивать универсальные и национальные особенности. В противном случае велика вероятность этноцентризма (как справедливо отмечает А. Вежбицкая, в современной лингвистике это прежде всего англоцентризм [Wierzbicka 2006]). Это может иметь место, например, когда исследователи ставят знак равенства между тем РЖ *small talk*, которому Генри Хиггинс учит Элизу Дулиттл в «Пигмалионе», и той *светской беседе*, которой не может овладеть Пьер Безухов (ибо не является носителем картины мира *светского человека*), или когда в коллективной монографии [Coupland 2000] рассматриваются *британский, новозеландский, польский, израильский* и т. д. *small talk* без выявления каких-либо национальных различий.

Глобализация может вызывать изменения, причем в одном и том же направлении, т. е. по сути нивелирование, традиционных жанров. В качестве примера можно назвать РЖ *флирт*, который, с одной стороны, является одним из древнейших и естественнейших жанров, присущих человеческому обществу [Антология речевых жанров 2007: 269—283], с другой — имеет отчетливое национально-культурное, социальное и аксиологическое содержание: «Культура формирует эротический код, ритуал ухаживания и сексуальную технику» [Кон 1988: 121]. Следует подчеркнуть, что флирт изначально существовал как любовная речевая игра, главной отличительной особенностью которой был ко с е н н ы й характер коммуникации, проистекающий, по Э. Берну, из «скрытого содержания транзакций», ср.: *КОВБОЙ: Не хотите ли посмотреть конюшню? — ДЕВУШКА: Ах, я с детства обожаю конюшни!* [Берн 1988: 25].

В этом отношении является показательной одна инновация наднационального масштаба (это доказывают примеры из и русскоязычного, и англоязычного Интернета): современный флирт (особенно в речи молодежи и в Интернете, но не только) в значительной степени утрачивает игровой характер и даже косвенность.

С одной стороны, наблюдения показывают, что флирт в Интернете распространился так сильно, что присутствует в огромном объеме интернет-пространства, далеко выходя за пределы «подходящих» для этого жанров (таких как чаты и часть тематических форумов и блогов). С другой стороны, флирт в значительной степени утрачивает свою е п р я м о у природу. Это касается, например, трансформации семантики лексемы *флирт* (а также *флиртовать, flirt, flirting, flirtation*) в современной интернет-речи: практически все подборки, форумы, чаты, предлагаемые в Интернете на стимулы *flump, flirt*, включают огромное количество абсолютно п р я м ы х, полностью лишенных игрового начала смыслов, интенций и призывов (*Флирт и общение без ограничений!*; *Знакомства, флирт, любовь онлайн. Бесплатно и анонимно; Найди свою любовь на сайте Флирт.рф; Эротическое общение для тебя; Flirting, kissing, and of course sex; Send me your naked pictures*). Напротив, найти что-либо в традиционном значении (флирт-игра, флирт-намек, словесный поединок в любовной игре) в современных интернет-ресурсах не так-то просто. Складывается впечатление, что *флиртом* теперь называется все то в гендерно маркированном поведении мужчины и женщины, что просто выходит за рамки близости, или же слово *флирт* превращается в эвфемизм прямого наименования близости. Данные трансформации, как уже было сказано, не ограничиваются интернет-общением — так, в романе Хелен Филдинг «Дневники Бриджит Джонс» героиня называет *флиртом* поведение своего возлюбленного Дэниела (*How dare you be so fraudulently flirtatious?*) в ситуации, когда он совершенно прямо выражает свои эротические желания.

Следует сделать важную оговорку: приведенные примеры подтверждают изменения лексической семантики слова *флирт*, но необязательно доказывают изменения собственно жанра, его коммуникативно-речевой структуры — данный вопрос еще предстоит решить. Сложность в данном случае создается еще и асимметрией обиходного и терминологического

значений слов: от обиходного значения ни к чему не обязывающей и не имеющей непосредственных последствий легкой беседы с определенным подтекстом производно терминологическое значение одного из речевых жанров, при этом связь между номинацией, лежащей в основе термина, и самим термином может теряться. В то же время, несомненно, семантика имени жанра не может не быть значима для именуемого явления, т. е. жанра. В качестве примера можно привести несобственные употребления (в некоторых контекстах метафорические) идиомы *по душам* (где ситуация с соотношением обиходного и терминологического значений слов такая же, как в случае РЖ *флирт*), посредством которых именуется или варианты жанра *разговор по душам*, или прямо развитие вторичного жанра на его базе — данные явления рассматриваются в разделе 5.

Глобализация обуславливает появление новых речежанровых явлений и в таких бытовых и, казалось бы, консервативных сферах, как **сфера потребления** (но в данной сфере часто происходят изменения, влияющие и на язык, причем это особенно заметно в современной цивилизации, которую нередко определяют как «потребительскую», но в той или иной мере, думается, было всегда). Интересные примеры жанров «гастрономического общения» в США: *меню* в ресторане (включая его обсуждение клиентом и официантом) и *поваренных книг* — приводит Робин Лакофф [Lakoff 2006]. Исследовательница показывает, что за последние 150 лет знания и умения в гастрономической сфере для среднестатистических *white, middle-class residents of California* (но приводимые ею данные во многом приложимы к другим культурам, например, современной российской) подверглись значительным изменениям. Так, «активный гастрономический лексикон» современного американца включает множество названий блюд, продуктов, ингредиентов, деталей приготовления и т. д. на пяти или шести языках: французском, итальянском, испанском, китайском, японском и, возможно, хинди или тайском, — которых раньше не было, например: *pain de mie* ‘французский хлеб’; *pappadums* ‘соус карри паппадум’; *garde manger* (работник ресторана, чьи обязанности заключаются в наблюдении за приправами, специями и другими деталями доведения блюд до полной готовности); *food Nazi* (человек, который квалифицирует людей по их диете: невротик, который жаждет принадлежать к «элите», обычно вегетарианской, причем пытается исключить как можно больше людей из этой группы, оскорбляя их кличками) [Ibid.: 142—144].

3. Сферы коммуникации: Интернет

Как уже говорилось, Интернет имеет особое значение для речежанровой картины современного периода.

С одной стороны, жанрами интернет-общения сегодня пользуются миллионы людей разных возрастов, социальных и профессиональных групп. Почти каждое уважающее себя СМИ сегодня имеет не только интернет-версию, но и специальные разделы *блогов* и (иногда) *форумов*; *форумами* обзаводятся и крупные, особенно транснациональные компании (например, по производству оргтехники и системного оборудования). Компьютеризация, развитие интернет-коммуникации с присущими ей скоростью и интенсивностью общения резко увеличивают скорость и интенсивность инноваций, включая жанровые. Имеется в виду не только распространение собственно интернет-жанров (*блоги* и т. д.), но и то, что они влияют на традиционную коммуникацию, ср. широкое использование за пределами интернет-коммуникации специфических «интернет-лексем» (*смайлик, лайк, троллинг, спам, игнор, баян, бот, коменты* (и *Аменты*), *френд* (и *френдЫ*)), перенесение «в реал» правил интернет-игр (например, *флешмоб*). Все это иногда приводит к появлению полноценных синтетических жанров (таких, например, как роман Б. Акунина «Квест», где повествование постоянно прерывается тестовыми вопросами с последующими отсылками к разным страницам; произведение читается с начала и с конца («книга-перевертыш») и имеет несколько вариантов и сюжета, и финала; иллюстрации к роману названы «*скриншотами*» и т. д.), а также к возрастанию в коммуникации роли гипертекстовости в самом широком смысле (см. об этом [Kitzmann 2006]).

С другой стороны, данная коммуникативная сфера и, соответственно, данные жанры складываются и формируются буквально на наших глазах, при этом многие из них развиваются на основе уже существующих, известных, неинтернет-жанров. Все это делает возможным хотя бы начальное диахроническое исследование, где теоретической основой для осмысления и систематизации таких новых явлений, как уже было сказано, может выступать понятие вторичного РЖ, а методической — сравнение исследуемого РЖ с тем, который, предположительно, является по отношению к нему первичным.

Интересен в этом отношении один из наиболее очевидных вторичных РЖ — пародия, которая в Интернете приобретает некоторые новые черты. Имеем в виду *пародийные интернет-энциклопедии*, широко распространявшиеся в последние несколько лет во многих странах на базе *Википедии* (*Noobtype Wiki, Uncyclopedia, Абсурдопедия, Короча-Википедия, Lurkmore / Луркоморье*). Так, русскоязычное *Луркоморье*³ существенно отличается от традиционного жанра пародии, имеющего тысячелетнюю историю, не только тем, что это интернет-жанр, которых раньше просто не было, но и тем, что представляет собой энциклопедию, вполне пригодную для получения систематизированной информации, а также оригинальным сочетанием черт энциклопедии (это прежде всего обезличенность и анонимность), которые в случае Луркоморья выступают не как пародийная стилизация, а как сущностные черты текста, и черт пародии (несомненная забота о форме текста, рассчитанного на эстетическое восприятие, эмоциональность, оценочность и идеологичность, которую, видимо, можно определить как общий «постмодернистский» юмористический и карнавальный взгляд на вещи, стирание границ между «верхом и низом», а в конечном счете — между истинным и ложным, важным и неважным, добродетелью и пороком и т. п.). Пародийность *Луркоморья* проявляется в подчеркнутом отрицании «мифической энциклопедичности» Википедии: формальности, объективности, толерантности и безоценочности. Все это обуславливает весьма интересный язык Луркоморья: неофициальный и часто оригинальный, включающий, с одной стороны, языковую игру, окказионализмы и неологизмы (обычно обыгрывается русский язык, но нередко и английский), с другой — жаргонизмы и мат. К важным отличительным особенностям языка Луркоморья следует отнести также то, что на темы и язык общения большое влияние оказывают сюжеты японских мультфильмов аниме, отсюда многочисленные японские, а не английские заимствования, например: *кавай, кавайный* ‘милый’; *моз, мозный* (то же самое, но с уклоном на сторону фетиша); *тян, -тян* ‘уменьшительно-ласкательный суффикс, указывающий на женский род (позже суффикс превратился в самостоятельное слово и стал обозначать просто ‘девушка’); *кун, -кун* ‘дружеское, неофициальное обращение (чаще между мужчинами, но не всегда)’; *лоли* ‘несовершеннолетняя девочка’; *хикки* ‘человек, отказывающийся от социальной жизни’; *яой, яойщица* ‘гей, лесбиянка’⁴.

Конечно, при изучении вторичных РЖ наиболее принципиальными оказываются такие вопросы, как методика исследования вторичных РЖ, способы выявления речежанровой вторичности, определения, где мы имеем новый жанр, где — вариант, инновацию старого. Следует отметить, что данные вопросы отчасти рассматривались уже Бахтиным, но, как

³ <http://lurkmore.ru/>.

⁴ Конечно, они содержат ошибки, простительные для неспециалистов. Например, заведомо интернет-блогов-форумов-имиджбордов воспринимаются как японизмы слова с «л», которого, как известно, в японском нет: поскольку стали японизмами, в сущности, вернувшиеся из Японии английские слова и выражения: *костлей* (яп. コスプレ косупурэ, сокр. от англ. *costume play*), *лоли* (яп. ロリコン рори ‘комплекс лолиты’). Логично было ожидать, что эти слова предстанут как японские огласовки, но этого не происходит: как видим, в результате появились гибридные образования, в произношении которых, возможно, участвуют даже три языка, включая английский: ни один японец, кроме очень хорошо владеющих английским, так не скажет. Что касается *-тян*, первично и литературно здесь именование маленьких детей (любого пола), а в качестве именовании девушки это звучит ласкательно и несколько жаргонно. Пользуясь случаем, автор выражает благодарность В. М. Алпатову за лингвистический комментарий этих японизмов.

многие его речевые и лингвистические идеи, не получили настоящей формализации в виде рабочей модели. Заслуживает, однако, самого серьезного внимания вводимое Бахтиным понятие переакцентуации, наряду с понятием вторичного РЖ: «...речевые жанры вообще довольно легко поддаются переакцентуации, печальное можно сделать шутливо-веселым, но в результате получается нечто новое (например, жанр шутливой эпитафии)», а также идея о выстраивании цепочки «первичный жанр — переакцентуация — вторичный РЖ» [Бахтин 1996: 192].

Интересные соображения о соотношении первичных и вторичных РЖ как совпадающих по параметру интенции и различающихся по параметру стиля высказывает Н. В. Орлова:

Объективным критерием общности интенций говорящих в разных ситуациях общения является возможность описать их высказывания одним и тем же речевым словом. Так, одинаковое обозначение получает *признание в суде* и *признание в любви*; *исповедь в церкви*, *исповедь*, адресованная близкому человеку, и *исповедь* как популярный ныне жанр публицистики. <...> В то же время нередко разные речевые слова описывают одни и те же речевые действия. Ср. бытовую *угрозу* и *ультиматум*, *просьбу* и *ходатайство*, речевые действия, выражаемые глаголами «*порицать*» и «*ругать*». Очевидно, что слова в парах различаются лишь стилистической маркированностью одного из них, а описываемые ими высказывания (тексты) соответствуют понятиям первичного и вторичного жанров М. М. Бахтина [Орлова 1997: 51—52].

Думается, что проблема соотношения первичных и вторичных РЖ может успешно решаться на основе модели, где пары «первичный РЖ ~ вторичный РЖ» сопоставляются по ряду значимых для них параметров. Это вновь возвращает нас к интернет-жанрам, где отношения речевых жанров вторичности гораздо более очевидны уже в силу кратковременности данного явления.

Многие широко распространенные модели анализа РЖ компонентного типа (см. выше) при обращении к интернет-жанрам подвергаются более или менее существенным трансформациям. Так, по мнению С. Херринг [Herring 2007], «виртуальному жанроведению» при анализе материала необходимую гибкость может обеспечить не собственно речевые жанры, а более детальный «аспектный подход» (основы которого были разработаны в библиотековедении и информатике). Общее число параметров, которые Херринг включает в свою модель, превышает 40: это как технологические, так и собственно коммуникативные параметры, в том числе очень важные отношения производности, существующие между различными интернет- и неинтернет-жанрами [Ibid.]. Последователи Херринг успешно изучают отношения производности в интернет-жанрах [Горошко 2011; Рогачева 2011; Щипицина 2009; Щурина 2012]. В этих исследованиях значимые моменты структурной организации интернет-жанров как вторичных РЖ сопоставляются с неинтернет-жанрами (в том числе количественно): *чат* — с общими характеристиками разговорной речи (где организующим центром является жанр *бытового разговора*); *форум* — с *дискуссией*. Несколько более сложным явлением в этом отношении выступает *блог*, который, с одной стороны, не имеет какого-то одного непосредственного предшественника среди неинтернет-жанров («для блога в истории человечества жанрового аналога нет» [Кронгауз 2009: 164]), с другой — обнаруживает явную близость сразу с несколькими жанрами (публицистическая статья, традиционный «бумажный» дневник, личное письмо). Например, в кандидатской диссертации Н. Б. Рогачевой *блог* сравнивается с *обычным дневником* и *частным письмом* по следующим параметрам: 1) наличие элементов диалогичности (в традиционном дневнике есть элементы лишь псевдиалогичности: обращения к детям, обращения типа «дорогой дневник» и т. п.), в письмах и блогах — многочисленные обращения, апеллятивные маркеры); 2) репертуар используемых жанров/субжанров; 3) использование сокращенного или развернутого кода; 4) тематическое разнообразие и характер связей между темами (особенно показательны «Я-тема» и «Мы-тема» и их соотношение); 5) степень креативности (проявляется, например, в языковой игре, иронии, аллюзиях на прецедентные феномены и т. п.) или стереотипности текста:

Таблица 1

Блог, обычный дневник и частное письмо в сопоставительном аспекте

	Обычный дневник	Частное письмо	Блог (пост)
Элементы диалогичности	Нет (лишь элементы псевдиалогичности)	Есть (адресат — конкретное лицо)	Есть (адресат — массовый; в редких случаях — конкретное лицо; есть случаи псевдоадресации)
Используемые жанры (субжанры)	Жанровая монотонность	Разнообразие жанров; значительное число жанров, ориентированных на адресата	Разнообразие жанров; жанров, ориентированных на адресата, много, но меньше, чем в письме (отсутствует жанр выражения сочувствия)
Соотношение Я-, ТЫ- и МЫ-тем	Я-тема преобладает, ТЫ-тема отсутствует, МЫ (ТЫ + Я)-тема отсутствует	Есть тенденция к уравниванию Я- и ТЫ-тем; «МЫ»-инклюзивное затрагивается при сботах в коммуникации («МЫ»-эксклюзивное широко распространено)	Преобладает Я-тема, однако представлена и МЫ-тема
Использование сокращенного или развернутого кода; наличие смысловых лакун	Высокая степень лакунарности, значимые факты могут просто констатироваться	Степень лакунарности гораздо меньше; значимые факты сопровождаются авторской оценкой	Есть стремление к снижению лакунарности (непонятные места сопровождаются авторским комментарием); возможны записи «для своих», содержащие парольные фразы
Характер связи между темами, наличие маркеров смены тем	Связь ассоциативная, специальных маркеров практически нет	Темы располагаются в достаточно строгом порядке; есть специальные маркеры	Ассоциативная связь, но есть маркеры смены тем
Степень креативности / стереотипности	Низкая степень креативности	Преобладает стереотипность, но с элементами креативности	Высокая степень креативности

Для жанра *чата* первичными являются, по всей видимости, не дневник и частное письмо, как в случае блога, а жанры неофициального непосредственного общения (гипержанр *разговор*).

В этой связи уместно вспомнить, что А. А. Зализняк [2010] уделяет большое внимание соотношению *сетевого* и *обычного дневника*, в том числе со стороны формальной и (особенно) содержательной структуры, при этом определяет место *дневника* в ряду вторичных речевых жанров: *дарственная надпись, адрес на конверте, эпитафия, девичий альбом, лирика, поздравительный адрес, псалом* (уникальность жанра *дневника* обуславливается сосуществованием двух адресатов — прямого и косвенного: «дневник пишется как будто

исключительно для себя и поэтому без рисовки, но одновременно именно это и оказывается интересно другим — тем, кем он, возможно, будет прочитан» [Там же: 165]). Однако А. А. Зализняк не использует бахтинского понятия вторичного РЖ для сопоставления названных типов дневников, *собственно дневника и блога*.

По мнению некоторых исследователей, например Е. И. Горошко [2011], в последнее время механизм формирования жанров интернет-общения претерпел определенные изменения, а именно: перешел от трансформации классических «бумажных» жанров (письмо → электронная почта → блог / чат) к конвергентному принципу формирования «новых интернет-жанров 2.0».

Думается, можно считать доказанным, что новая сфера общения всегда порождает вторичные РЖ. В то же время нам представляется, что меняется скорее общий культурный фон коммуникации. По-видимому, исторически изменение какого-то из компонентов фона (межличностные отношения (близость, статус), канал связи) всегда приводит к изменениям жанра; но правила нового жанра непременно охватывают и другие аспекты речи (как, например, произошло со *светской беседой*, если сравнить ее с *болтовней* или *сплетнями*, или с жанрами виртуального общения (*блог, форум, чат*), если сравнить их с *перепиской, дневником, обменом записочками, наконец, дружеским разговором*). Важно, что любое изменение всегда не только что-то добавляет, но одновременно что-то ограничивает, порождает запрет или целую серию запретов. Меняться могут и более абстрактные вещи, например, само представление о межличностной близости, автономии и других правах и потребностях личности, уважении к собеседнику, допустимом и недопустимом в речи. Важным показателем является слово: наличие новой лексемы для именованного РЖ чаще свидетельствует о том, что возник новый жанр, чем наоборот. Старое слово может использоваться для именованного нового жанра как метафора (см. в разделе 5 о контекстах с прямым и переносным значением *по душам*). Много информации в этом плане предоставляют нам историко-культурные и этимологические данные.

4. Этимология

Для представления и осмысления речезанровой картины современности очень много могут дать словари новой лексики (как литературного языка, так и нелитературных стратов — арго, сленга, жаргонов), содержащие, в том числе, и названия РЖ. Нередко это именно новые жанры; и толкования, предлагаемые соответствующими словарями, тематические, лексико-семантические и другие группы, которые иногда выделяются в специализированных словарях (например, [Скляревская 2001; Васильев 2005]), как правило, содержат достаточно много информации о различных особенностях семантики и структуры новых жанров.

Данная информация может быть извлечена из словарей при помощи методики лексико-семантического анализа РЖ. В частности, изучается семантика лексем, прежде всего существительных и глаголов (в том числе перформативных), именующих или непосредственно речевые жанры, или речевые действия, соотносимые с данными жанрами (часто разница между такими существительными и глаголами почти исключительно категориально-грамматическая, например: *просьба* — *просить / попросить, вопрос* — *спрашивать / спросить, ссора* — *ссориться / поссориться, флирт* — *флиртовать*). Главным объектом исследования становятся существующие в лексике и фразеологии языка / языков названия различных жанров релевантных компонентов речи — соответствующих единиц, правил и норм, моментов системности и типизации [Федосюк 1997; Балашова 2009]. Часто жанры, которые именуется такая новая лексика, еще не были изучены другими способами; кроме того, зачастую это именно новые жанры, еще не сформировавшиеся до конца, и, например, сравнение толкований их названий в соответствующих словарях за промежутки в 10—15 лет дает возможность понять что-то и в их развитии.

Данный аспект вписывается в общее **метаязыковое** изучение речевой коммуникации в лингвистике [Рождественский 1978; Язык о языке 2000]. Следует назвать также

несколько исследований, посвященных новым лексическим и идиоматическим явлениям в русском и некоторых других языках (большинство их, именнов силу новизны, пока не имеет «постоянной лингвистической прописки» и квалифицируется в данных работах как разговорные неологизмы или жаргонизмы), семантика которых могла развиваться только в новой реальности — постиндустриальной, глобализованной, интернетизированной [Карасик 2013; Сиротинина 2013].

Для лексики и идиоматики русского языка (и для литературного языка, и нелитературных стратов) масштабное исследование метаязыкового аспекта РЖ и их компонентов осуществляет Л. В. Балашова [2009]. Проанализировав названия-метафоры, исследовательница приходит к выводу, что в концептуализации русской системы РЖ новейшего времени сохраняется достаточно давняя тенденция — противопоставление официальной и неофициальной сфер коммуникации, причем официальная оценивается отрицательно. Прежде всего, как и следовало ожидать, это касается нелитературных стратов, особенно арго, в «картине мира» которого изначально содержится вызов всем традиционным социальным институтам. Так, в сознании носителей сленга обычно вызывают негативную реакцию те **книжные жанры**, которые связаны с активным воздействием на сознание слушателей, читателей, поскольку содержат такие семы, как 'меркантильность', 'личная выгода', 'неискренность' и т. п. — ср. обобщенные наименования официальных бумаг, документов (*тряпка*, *шпаргалка*); законодательных актов (*молитвенник* 'Уголовный кодекс', *золотая рыбка* 'указ об амнистии'); юридических бумаг (*моток* 'уголовное дело', *бодяга*, *телега*, *фугас* 'жалоба прокурору', *шпаргалка* 'документ об освобождении', *шкурка мента* 'заявление в милицию'); административных документов (*картина своей жизни*, *самооговор* 'автобиография', *помои*, *портрет* 'характеристика с места работы'). Еще шире представлено устное (или нерасчлененное по признаку формы представления) **официально-деловое** общение, при этом наиболее разнообразной (около 100 метафорических единиц) в воровском арго оказывается номинация РЖ *донос*. Характерной особенностью «внелитературной речевой культуры» является восприятие публичного и отчасти научного общения в той же системе координат, что и общения официально-делового. Наиболее разнообразно именуется *лекция*, причем не столько сам жанр (*молитва* 'лекция'; *язык жевать* 'выступать с лекцией'), сколько субъект речи (*брехун*, *водолей*, *попугай*, *пустолай*, *гипнотизер*) [Там же].

Конечно, эти и многие подобные языковые процессы — появление новых названий, развитие новых коннотаций и новых значений — идут очень динамично, и их часто просто не успевают фиксировать словари. Много информации в этом плане могут дать современные источники актуальной лингвистической информации — корпуса, которым будет посвящен отдельный раздел. Забегая несколько вперед, отметим, что корпуса иногда дают уникальную возможность фиксировать тонкие различия в семантике лексем, именующих жанры, прежде всего — метафоры; некоторые результаты таких исследований, в свою очередь, могут быть использованы для совершенствования словарей.

5. Источники материала: текстовые корпуса (количественный анализ РЖ по ключевым лексемам)

Складывается впечатление, что с появлением корпусной лингвистики (о целях и методах корпусной лингвистики см., например, [Integrum 2006; Копотев, Мустайоки 2008]) сбылась давняя мечта жанроведа: анализировать РЖ количественно — для решения этой задачи не доставало именно того, что и дают сегодня корпуса: появляется надежда получить достаточно материала для всестороннего освещения каждого жанра со всеми значимыми вариациями, а до сих пор практически все «полевые» исследователи соглашались, что на уровне РЖ это невозможно [Федосюк 1997].

В целом в исследованиях речевых жанров: в диссертациях, монографиях, статьях, посвященных различным аспектам и проблемам теории речевых жанров, — нередко

используются те или иные возможности корпусной лингвистики, при этом, как представляется, цели и способы обращения к данным возможностям могут быть сведены к нескольким основным типам.

Так, при изучении речевых жанров корпуса и пользовательские подкорпусы могут выступать как база / фонд материала исследования. Используя корпуса текстов различных жанров, можно изучать соответствующие РЖ (*рассказ, роман, очерк, интервью, фельетон* и др.). Кроме того, используя этот же материал можно изучать «жанрово-ролевые сценки», т. е. изображенные в художественных произведениях диалоги персонажей различных жанров (*беседа, болтовня, разговор по душам, комплимент, признание в любви, флирт, ссора, угроза, оскорбление* и др.).

С нашей точки зрения, о методах корпусной лингвистики как таковых можно говорить только в тех случаях, когда лингвистические задачи решаются количественно и с использованием возможностей информационно-поисковых систем. При этом на первый план выходит проблема «ключевых фраз», о важности которых для РЖ писали некоторые исследователи еще до появления корпусов [Шмелева Т. 1997; Шмелева, Шмелев 2002: 18].

Действительно, при работе с корпусами проблема таких «ключевых фраз», или формальных показателей, по которым одним только и можно осуществлять поиск в корпусах, становится не просто важной, но критической, а главное — исследователю приходится решать данную проблему фактически с нуля, поскольку раньше поиском «ключевых фраз» для конкретных РЖ по-настоящему почти никто не занимался.

Покажем это на примере системы *Integrum*, богатые, но специфические возможности которой попытаемся использовать для уточнения характеристик двух речевых жанров русской культуры — *разговора по душам* (РпД) и *светской беседы* (СБ), которые уже обсуждались нами в связи с аксиологией и глобализацией. До сих пор исследователи данных жанров (см. [Фенина 2005; Седов 2006; Антология речевых жанров 2007]) обычно исходили из того, что выявить четкие формальные показатели данных жанров (как и других подобных «нежестких» жанров), а также систематизировать семантические характеристики данных явлений (например, в терминах универсальных семантических метаязыков) практически невозможно.

Материалом исследования послужили публикации в современной (после 1991 г.) русской прессе (российские и русскоязычные зарубежные издания), собранные и обработанные при помощи системы *Integrum* (6328 источников за период с 1992 по 2009 г.).

5.1. Светская беседа, светскость (*Integrum*)

Количественный анализ подтвердил: в современной русской речи слово *светский* является чрезвычайно распространенным. Система *Integrum* выдала для лексемы *светский* в общей сложности 339 572 контекста (1992—2009).

Эти контексты делятся на две отчетливо противопоставленные группы; традиционные: *беседа, вечер, дама, круг, лев, лоск, львица, манеры, общение, общество, прием, разговор, раут, салон, сплетни, человек, этикет* и др. и современные: *тусовка, тусовщик, тусовщица, звезда, дива, треп, болтовня, презентация, вечеринка* и др.

В современных контекстах реализуются все те же коммуникативные характеристики концепта *светский* (то есть характеристики СБ), что были выявлены для прошлых эпох (см. раздел 1):

- высокий социальный статус собеседников, их принадлежность к «светскому обществу» людей избранных — известных, публичных, «тусовочных»:

Мария Арбатова быстро нашла общий язык с Валентином Юдашкиным — завела с ним светскую беседу (У «Премьеры» нет плохой погоды. Московский комсомолец; 04.09.2007);

- расширенная по сравнению с обычной коммуникативная компетенция, риторические умения, которыми владеют не все:

Я, например, научилась непринужденно разговаривать ни о чем и часами поддерживать светские беседы (Жених по интернету. Дочки-матери / приложение к АиФ; 29.12.2004);

- светская беседа имеет неповседневный характер, должна быть яркой, праздничной, искусной, изощренной:

Вассерман, надо заметить, в светской толпе ничуть не смущался. Напротив — с удовольствием обнимал длинноногих моделей, угощался черной икрой и вел светские беседы с гостями (Московский комсомолец; 05.07.2008).

Контексты с лексемой *светский* были рассмотрены в сравнении с контекстами с *гламурный*. Поиск в Integrum дал в общей сложности **91 585** контекстов для *гламур/гламурный*, из них по годам: 1992 — 1; 1993 — 0; 1994 — 0; 1995 — 1; 1996 — 11; 1997 — 88; 1998 — 120; 1999 — 138; 2000 — 207; 2001 — 677; 2002 — 998; 2003 — 2 444; 2004 — 4 607; 2005 — 8 431; 2006 — 16 787; 2007 — 25 099; 2008 — 25 165; 2009 — 6 886.

Нередко *светский* и *гламурный* абсолютные синонимы, как в следующих примерах:

Ксения отправится по светским вечеринкам, фитнес-центрам, выставкам и концертам — местам, где можно встретить претендента на руку и сердце (Комсомольская правда; 14.02.2008);

Пользуясь журналистскими связями, доставала ей пригласительные на гламурные вечеринки, где подружка заводила новые знакомства (Комсомольская правда; 20.12.2008).

В то же время во многих своих значениях данные концепты расходятся. Выявить различия поможет более детальный анализ сопоставимых и несопоставимых контекстов, в которых встречаются *свет* и *гламур* в современной прессе.

Для анализа в системе Integrum были выявлены все сочетания с прилагательным *светский*, включенные в тексты (газетные статьи), содержащие одновременно лексемы *гламур/гламурный*. Общее количество контекстов (1992—2009), где *светский* и *гламур (гламурный)* встречаются в одном контексте, — 11 413 (10 787), количественное распределение контекстов по конкретным лексемам см. в таблице 2. Последняя колонка — процентный показатель.

Таблица 2

«Светский» + «гламур» в одном контексте

		кол-во контекстов для <i>светский</i> всего	контекстов вместе с «гламур»	
			количественный показатель (в скобках — для <i>гламурный</i>)	процентный показатель (для <i>гламур</i>)
КОММУНИКАТИВНЫЕ	<i>беседа</i>	5 152	179 (161)	3,47
	<i>болтовня</i>	423	22 (22)	5,20
	<i>вечер</i>	828	31 (27)	3,74
	<i>вечеринка</i>	5 544	467 (450)	8,42
	<i>диалог</i>	64	4 (4)	6,25
	<i>мероприятие</i>	15 262	796 (770)	5,21
	<i>общение</i>	860	18 (17)	2,09
	<i>па(р)ти</i>	41	2 (2)	4,87
	<i>презентация</i>	56	9 (30)	17,85

Продолжение таблицы на стр. 96

Таблица 2 (продолжение)

		кол-во контекстов для <i>светский</i> всего	контекстов вместе с «гламур»	
			количественный показатель (в скобках — для <i>гламурный</i>)	процентный показатель (для <i>гламур</i>)
коммуникативные	<i>прием</i>	3 371	100 (98)	2,96
	<i>разговор</i>	1 225	27 (25)	2,20
	<i>раут</i>	11 170	622 (602)	5,56
	<i>слетни</i>	1 504	120 (115)	7,97
	<i>треп</i>	144	18 (17)	12,5
	<i>этикет</i>	546	0 (0)	0
	<i>тусовка</i>	10 228	965 (946)	9,43
некоммуникативные	<i>артист</i>	15	0 (0)	0
	<i>богема</i>	34	2 (2)	5,88
	<i>девица</i>	40	1 (30)	2,50
	<i>девушка</i>	712	86 (87)	12,07
	<i>дива</i>	460	39 (39)	8,47
	<i>жизнь</i>	35 473	1 527 (1 497)	4,30
	<i>заведение</i>	197	12 (12)	6,09
	<i>звезда</i>	142	26 (28)	18,30
	<i>знаменитость</i>	146	9 (9)	6,16
	<i>издание</i>	722	27 (28)	3,87
	<i>лев</i>	4 320	328 (304)	7,59
	<i>личность</i>	90	5 (4)	4,44
	<i>лоск</i>	537	42 (39)	7,82
	<i>львица</i>	18 763	2 151 (2 113)	11,46
	<i>мир</i>	958	83 (84)	8,76
	<i>мода</i>	116	9 (8)	7,75
	<i>модель</i>	257	0 (0)	0
	<i>модник</i>	19	3 (3)	15,78
	<i>модница</i>	130	19 (19)	14,61
	<i>мужчина</i>	84	8 (8)	9,52
	<i>общество</i>	6 917	213 (189)	3,07
	<i>па(р)ти + party</i>	41 + 33	2 + 1 (2)	4,05
	<i>певец</i>	29	0 (0)	0
<i>платье</i>	137	5 (4)	3,64	

Таблица 2 (окончание)

		кол-во контекстов для светский всего	контекстов вместе с «гламур»	
			количественный показатель (в скобках — для гламурный)	процентный показатель (для гламур)
некоммуникативные	салон	1 527	38 (38)	2,48
	тусовщик	497	99 (97)	19,92
	тусовщица	550	54 (53)	9,81
	формат	46	0 (0)	0
	ценность	336	0 (0)	0
	человек	5 490	123 (119)	2,24
	штучка	50	3 (3)	6,00
	юноша	31	0 (0)	0

Обращает на себя внимание большое количество коммуникативных контекстов с лексемой *светский* — данная лексема активно сочетается с названиями речевых / коммуникативных жанров (*разговор, беседа, болтовня, сплетни, флирт*); отдельных коммуникативных действий (*улыбка*); коммуникативно-знаковых систем (*этикет*); отдельных (оценочных) измерений коммуникации. Многие из этих сочетаний относятся к традиционным и устойчивым и активно использовались еще в XIX в. (*беседа, разговор, сплетни, общение, этикет, манеры, прием, вечер, раут, отношения, тон, суэта, улыбка, диалог, флирт, поведение*). Для *гламура*, как видим, коммуникативные контексты в целом малочисленны.

Коммуникативные различия, видимо, производны от социальных характеристик: и «светские люди», и «гламурные люди» — «утонченные прожигатели жизни», но при этом *светский человек* — это изначально аристократ, представитель власти, *гламурный же человек* изначально представитель буржуазного общества, «потребитель». Если наиболее типичные представители *света* (см. количественные данные выше) — *львица* (больше) и *лев*, то *гламура* — *звезда, знаменитость; свет* населяют *дама, леди, гламур* — *девушка* и особенно *девчонка, девица, дива, кошечка...* здесь также гораздо больше места для таких «несветских» персонажей, как *мужик, мачо, нимфетка...* *Свет* — *общество, гламур* — *тусовка; свет* — *элита, манеры, гламур* — *попса, кич, трэш; свет* — *отношения, гламур* — *шоу, шик, блеск...*

5.2. «По душам» (Integrum)

Система Integrum выдала 29965 контекстов с *по душам* и в целом позволила осуществить исследование жанра *разговор по душам* по параметрам: общие ценностные характеристики; парадигматика и синтагматика *по душам*; участник *разговора по душам*. Так, во многих контекстах подчеркивается, что РпД является важной частью русского национального характера:

Впрочем, есть одно качество, которое между нами, русскими, можно считать действительно общенациональным, — это культура общения, в частности, способность разговариваться по душам со всяким встречным-поперечным, почувствовать кровную близость с человеком, во все тебе незнакомым (Тайна народного. Версты, Москва; 25.02.1999).

Абсолютное большинство оценочных характеристик РпД, фиксируемых в примерах, положительные и ярко-положительные:

Никакие технические новинки, виртуальное общение, умные игрушки не заменят старой доброй прекрасной привычки встречаться и говорить по душам (Давай поговорим. Семейный доктор; 15.09.2002).

В то же время есть и отрицательные характеристики: так, следствием РпД может быть нежелательное сближение; такое общение может быть неэстетично (*сопливый* РпД); РпД отрицают за бесполезность, указывая, что он противоречит неким новым жизненным ориентирам, присущим людям «современным», «прагматичным», «индивидуалистичным»:

*Кстати, есть целая категория мачо-мэнов, которым просто не хватает общения по душам и они готовы на все ради того, чтобы ты выслушивала их **сопливо-алкогольные откровения** и расспрашивала о нелегкой жизни* (Консумация. Хулиган; 15.03.2002);

***Жутковатое действие под названием «разговор по душам».** ... А уж разговор-то незнамо какой незнамо о чем вести — самое привычное для нас дело. Это зарубежных наших партнеров от таких разговоров трясти начинает, нам же — хоть бы что. Для нас даже особое наслаждение, если беседа к тому же пришла, с чего началась, — вот уж отрада русскому сердцу, никаких обязательств! И не надо, вот только не надо нас к ответственности призывать: душа — штука непредсказуемая: сейчас «лежит», через час — «не лежит»... имейте, стало быть, уважение* (Евгений Клюев. Русскость русских. Дружба Народов. 2009. № 2).

Парадигматика по душам. РпД противопоставлен коммуникативному поведению, включающему понимание, прежде всего агрессивному:

*Я стараюсь с такими **поговорить по душам, и агрессия уходит**, человек перестает замыкаться на боли, и ему становится чуточку легче* (Дмитровский вестник (Дмитров); 16.06.2007).

- Хороши для РпД характеристики, которые пониманию способствуют: искренний, открытый, откровенный, честный, вдумчивый, доброжелательный (часто эти определения идут вместе):

*Но в редкие минуты отдохновения удается поговорить по душам, **искренно и откровенно*** (Московская правда / Спорт; 08.05.2001);

*А ждет читатель **честного и открытого** разговора по душам, рассказов о том светлом, по-хорошему интересном, что, как ни странно, еще встречается в нашей жизни* (Российская газета; 15.11.1996).

- По этой причине РпД обычно противопоставлен *спору*, но не всегда:

*Были, как водится, **«фронтовые сто грамм», разговоры по душам, споры**. Прощание с другом* (Независимая газета — НВО; 29.02.2008).

- Судя по всему, в еще большей степени РпД должен быть противопоставлен *ссоре* — как поведению, исключаяющему понимание, — но, как показывает материал, РпД нередко и естественно сочетается и с *ссорами*:

*Постараюсь не навязывать ей свое мнение — как жить, что делать. Мне в этом плане с мамой было сложно найти общий язык. Бывало, как только я чем-то делилась, у нее начиналась паника: «Ты еще слишком мала для этого!» И **разговор по душам превращался в ссору** (По материнской линии. Натали (Украина, Киев); 15.05.2007).*

Все это обусловило **противоречивое** отношение к конфликтности, в частности критике собеседника в РпД. Контексты из прессы хорошо иллюстрируют эту противоречивость:

***Легкий разговор по душам** получается не сразу. Надо сделать так, чтобы чужая жизнь стала твоей* (Оксана Пушкина: «Я у себя одна». Новые известия (Москва); 29.06.2004);

*По ее словам, у тех, кто решается на **самый трудный вариант — разговор по душам** — семьи, как правило, сохраняются* (Вечерний Ростов (Ростов-на-Дону); 17.07.2007).

- Противоречивость РпД проявляется также в том, что к его частотным характеристикам относятся, с одной стороны, **простота**, с другой — **ум, мудрость**:

*Я понимал, что ничего не могу, да и не хочу, наверное, уже изменить, но так хотелось **просто** встретиться, поговорить по душам* (Комсомольская правда; 16.08.2000);

*Мне тогда не с кем было посоветоваться или даже **просто-напросто** поговорить по душам* (Все мужчины Елены Кориковой. Вечерняя Москва; 13.03.2008);

*Чем более жесткой, сложной и наполненной стрессами становится наша жизнь, тем больше мы начинаем ценить совершенно особую атмосферу разговора по душам: **умного, честного, заставляющего под другим углом взглянуть на окружающий мир и самих себя*** (Парламентская газета; 27.02.2004).

- Нередко подчеркивается: «настоящий» РпД возможен только «**со своими**»; в то же время полноценный РпД может быть и с **незнакомцем**:

*Можно расслабиться, почитать художественную литературу, посмотреть фильм, **поговорить по душам с родными и близкими людьми**, послушать любимые мелодии* (Газета (Москва); 14.12.2006);

*Хотя в дорожных неудобствах есть своя неповторимая романтика: новые люди, случайные встречи старых друзей, **разговоры по душам с совсем незнакомыми людьми*** (Волжская Заря (Самара); 24.07.2007).

- **Синтагматика по душам.** Согласно данным Integrum, с *по душам* сочетаются: *поговорить* — 13 178 контекстов; *разговор* — 8 766; *говорить* — 1 723; *беседа* — 1 385; *беседовать* — 764; *общение* — 404; *общаться* — 283; *потолковать* — 169 (и *толковать* — 30); *разговориться* — 162; *разговаривать* — 113; *диалог* — 84; (*поболтать* — 48; *переговорить* — 36 (иногда это ирония); кроме того, зафиксированы единичные употребления: *трепаться* (скорее ирония); *покалякать* (ирония); *бухтеть*; *договориться* и др.

Можно выделить ряд типов **трансформации** семантики *по душам*, обусловленных как собственно лексической семантикой выражения *по душам* и лексемы *душа*, так и иллокутивно-интенциональной семантикой речевого жанра *разговор по душам*. Степень трансформации в том или ином контексте обусловлена удаленностью значения от исходного (см. определение РпД выше).

Как показывает материал Integrum, *по душам* выступает в переносном значении, когда речь идет о различных формах и видах дисгармоничного общения: агрессивного, конфликтного, а также официального (прежде всего дисгармонично-официального, типа *допроса*) и манипулятивного.

В результате анализа контекстов мы можем выделить несколько важнейших смысловых компонентов «по душам», на базе которых данное выражение развивает переносные, метафорические значения.

- РпД — разговор о важном (даже главном): говорящий открыто, в полном объеме и без утаивания делится с собеседником важной для себя информацией (отсюда использование *по душам* для метафорической номинации допросов и пр.):

Пропажу вовремя заметили, прокурор района Николай Боткин побеседовал с девушкой по душам и сумел «расколоть» (Место преступления — прокуратура. Молодой коммунар (Тула); 12.07.2006).

- С другой стороны, РпД — это и возможность донести что-то важное до сведения собеседника, заставить его вникать, услышать себя (ср.: *Давай выйдем?*):

Приставляет нож к горлу и тянет в подъезд: пойдём, мол, дорогуша, поговорим по душам (Караван историй; 06.02.2006).

- РпД приятен — отсюда при помощи *по душам* может быть названо просто что-то доставляющее удовольствие: *еда, кофе, сигарета, стирное*:

*Никита Михалков решил **победать по душам*** (Коммерсантъ; 10.10.2005).

- РпД — общение фатическое, отсюда метафорическое использование *по душам* применительно к ситуации, когда в рабочее время служащие разговаривают, вместо того чтобы заниматься делом:

Когда я работала с московскими менеджерами, я просто умоляла их не говорить «по душам» с местными сотрудниками, а передавать информацию через меня (Комсомольская правда; 21.02.2006).

- Наконец, посредством *по душам* может быть названа попытка ухаживания или флирта:

Но если честно, «Пропанду» любят не за Санчеса, а за хорошеньких официанток, которые всегда готовы поговорить по душам и легко соглашаются на свидания после работы (Клубы, стриптиз, казино, ген! Афиша; 11.08.2000).

Появление метафор в названиях РЖ вообще является очень значимым, поскольку служит показателем переакцентуации (по Бахтину) либо вторичного РЖ; подробнее см. [Дементьев 2014].

5.3. Количественный анализ РЖ по ключевым речевым единицам (онлайн-форумы)

Продемонстрированная методика может быть успешно использована при анализе не только корпусов, но и, например, онлайн-форумов, тексты которых тоже доступны количественному анализу и обработке.

Как было показано, лексемы названия РЖ (такие как *светский*, *гламурный* и *по душам*) позволяют найти в корпусах довольно обширную рефлексию (в нашем случае — современных российских авторов СМИ) о данных жанрах, анализ которой позволяет уточнить некоторые аспекты в них.

В то же время, конечно, изучением рефлексии над РЖ не может ограничиваться речеведческое исследование, претендующее на адекватность. Если речь идет о количественном анализе с использованием корпусных методов, на первый план выходит поиск не ключевых лексем, а, так сказать, ключевых коммуникативно-речевых единиц для конкретных жанров, по которым можно осуществлять формальный поиск и подсчет.

Так, представляется, что для русского РпД (и мужского, и женского) такой ключевой фразой (не единственной) является вопрос: *«Что же на душе так хреново / погано / паршиво?»*. (У нее есть вопросительные и невопросительные варианты: *Что-то на душе хреново; На душе очень хреново — что делать?*)

По форме фраза *«Что же на душе так хреново?»* — вопрос, но вопрос риторический, не предполагающий прямого ответа типа *«у тебя на душе хреново, потому что...»*. Семантика этого «вопроса» включает жалобу, призыв к сочувствию и предполагает скорее не вполне прямой ответ типа *«что случилось?»*, *«а почему?»*. Но в наибольшей степени это (уже совсем не выраженное семантикой структурных элементов вопроса) **приглашение к общению** с близким по духу или настроению человеком⁵.

Форма вопроса *«Что же на душе так хреново?»* также подразумевает, что его автор сам не знает причины (ср. частотность слова *тоска* в ответах), отсюда большое разнообразие

⁵ В английском языке нет ничего подобного такой фразе ни по лексическому составу, ни по выражаемым коммуникативным смыслам, ни — тем более — по ожидаемой реакции. Реплики с семантикой жалобы, призыва к сочувствию возможны (хотя и значительно менее распространены, чем в русском): ближайшие аналоги (*Oh, God! I am feeling down; Something's getting me down; I'm down in the dumps*) по форме и семантике представляют собой констатацию состояния депрессии, плохого настроения, наиболее распространенной реакцией на которые (при условии гармоничного общения) будет *Sorry* или ободрение типа *You'll be fine* (есть вероятность также совета проконсультироваться у психолога). Естественно, после таких реакций возможность доверительного общения невелика.

возможных реакций. С этой точки зрения «более рациональный» вопрос *На душе хреново — что делать?* как будто бы значительно отличается от первой формы: прямо запрашивается совет, а о причине речь вообще не идет. Но это только формальное отличие, прагматическая семантика в обоих случаях совпадает: это жалоба, призыв к сочувствию и приглашение к доверительному *задушевному* общению, причина же (она может быть известна и иногда называется) несущественна. Показательно, что фактически не отличаются реакции на инициальные реплики обоих типов.

По этим ключевым фразам *Что же на душе так хреново?* *Что же на душе так погано?* и *Что же на душе так паршиво?* нами и был осуществлен поиск и количественный анализ ситуаций онлайн-общения в жанре РпД (поисковая система Яндекс). Было получено более 50 000 ссылок, из которых мы наугад отобрали 365 ответов (7 910 словоупотреблений) на семи тематических форумах «На душе хреново» и «Что делать, когда на душе хреново?»⁶:

Реплики участников форума (среди них были и мужчины, и женщины) — ответы на поставленный в заголовке форума вопрос — тематически разделились на несколько неравных групп. Характерно, что ответов на прямо поставленный вопрос (*у тебя на душе хреново, потому что...*) почти не было, за редким исключением (*Да потому что люди жестокие...; Потому что помидоры красные*). Единичны наводящие вопросы (*что случилось?, а почему?*) и прямые выражения сочувствия (*бедняжка!*). Три наибольшие по частотности группы могут быть охарактеризованы как кооперативные (доброжелательно-участливые), агрессивные и нейтральные.

Первую группу (от 30 до 40 % от общего объема) составили высказывания, где участники форума пытаются подбодрить адресанта, используя стереотипные выражения (*ничего, пройдет, все образуется, все будет хорошо*), дают практический совет (*посмотри хороший фильм, послушай музыку, съешь чего-нибудь вкусенького, выпей, поделись с близкими людьми*), приводят примеры из жизни или литературы / кино (как что-то помогло / не помогло справиться с плохим настроением), рассказывают веселые истории, анекдоты.

Вторую группу (около 10 %), противоположную первой, составили высказывания выраженной конфликтной или провоцирующей тональности, где авторы отводят тему, иногда насмешливо, грубо или с издевкой.

Наконец, третью, наиболее разнообразную и трудно определимую группу (от 40 до 50 %) составили нейтральные по степени кооперативности / конфликтности высказывания, где авторы отвечают симметрично (*а у меня не лучше!*), отшучиваются (*ляг, пости, и все пройдет!*), отводят тему, но не агрессивно, в отличие от второй группы (*да брось!, забей!*), либо рассказывают истории из личного опыта, делают обобщения о «жизни вообще», определить непосредственную коммуникативную цель которых (подбодрить или, наоборот, обидеть) сложно, например:

Почему жизнь складывается так, а не иначе? Почему, когда хочется плакать, мы смеемся? Как будто хотим показать, что мы сильнее, что мы справимся... Однако там внутри что-то треснуло, сломалось, больно ранит... И не хочется ничего, а только свернуться в калачик, замереть и не двигаться... но... за окнами жизнь, там свет... который, стремится проникнуть везде и туда, где темно, чтобы все осветить... этот свет со временем проникнет в тебя и будет пытаться осветить ту пустоту, что внутри, будет цепляться, пытаясь задержаться и не погаснуть... и может быть у него получится... и может быть будет жизнь... но другая... прежнего не вернуть, но все же... жить...

Причины депрессии иногда называются, иногда нет: видно, что это далеко не главное.

Показательны реакции на советы и рассуждения участников форума, откликнувшихся на вопрос: *читаю я вас и на душе как-то хорошо уже становится*)) — как видим, имелось в виду именно общение, причем фатическое.

⁶ <http://ltalk.ru/lady/162-519-mne-ochen-hrenovo-na-dushe-ne-zna-read.shtml>; http://www.pasetoz.ru/Pochemu_na_dushe_tak.htm; http://piroforum.info/fludiliwe/kogda_na_dushe_hrenovo/ и др.

Представляет интерес частотность отдельных лексем в ответах: наибольшую частотность (с большим отрывом) имеют лексемы *душа / душевный* (63 раза) и *хреново* (61 раз) (впрочем, возможно, наибольшая частотность именно данных лексем отчасти объясняется тем, что они содержались в форме вопроса), а также: *жизнь / жить* (34 раза), *вообще* (23), *говорить / поговорить / разговор* (20), *грустный / грустить* (10), *депрессия / депрессивный / депресняк* (10), *погано* (10), *друг* (9), *настроение* (8), *плохо* (7), *сердце* (5), *тоска* (5).

Таким образом, несмотря на новую «техногенную» сферу и новый формат общения (онлайн-форум), РпД проявляет себя в целом традиционно — сохраняет все лексические и прагматические доминанты, названные выше.

Заключение

Плюсом развиваемой концепции, по нашему замыслу, является то, что она позволяет сочетать построение уточненной речевых картин современности с более общим подходом, основанным на методологической модели, параметры которой дают возможность описывать и другие периоды.

Соображения как диахронического, так и кросс-культурного плана в этой статье отчасти высказывались, хотя в центре внимания оказалась именно сегодняшняя речевая современность, в результате, хочется надеяться, и удалось представить данную картину несколько точнее, а главное — создать предпосылки для будущих ее исследований в обозначенных направлениях. При этом, конечно, мы допускаем, что модель может хуже работать для других эпох: так, с трудом можем себе представить, чтобы, например, американские лингвисты рубежа XIX—XX вв. при помощи данной речевых картин модели составляли адекватные речевые картины индейских народов и племен, для изучения которых в указанный период сформировалась школа культурной антропологии.

Перекокс другого плана — представление национальной (русской) речевой современности, в ущерб общей, — мы старались преодолеть, хотя отдаем себе отчет в относительности успеха. С одной стороны, привлекаемый речевых материал на русском и других языках несопоставимы в силу наших объективных возможностей. С другой стороны, наши возможности так же объективно ограничивало то, что в зарубежной лингвистике жанроведческий подход гораздо менее распространен и разработан. Упрощает же нашу задачу и дает некоторую дополнительную надежду на то, что эти ограничения могут быть преодолены, обсуждавшаяся выше глобализация современной коммуникации.

Собственно говоря, плюсы теоретического и методологического характера, которые были здесь названы, проистекают из общего типологического подхода: рассмотрение объекта (национальных языков или национальных речевых культур и их единиц) вне зависимости от происхождения, то есть генетического «родства», конкретного исторического периода, по одной схеме, на основе одного и того же символического кода (метаязыка). Конечно, это не случайно: речевых картин подход и есть в своей основе подход типологический; см. [Жанры речи 2007]. Этим же определяется и набор минусов данного подхода: дедуктивность, субъективизм в отборе параметров научной модели (но он отчасти преодолевается корпусным подходом, где выдача контекстов не может быть «подогнана» под исследовательскую гипотезу), а следовательно, нередко возникающие противоречия между моделью и конкретным материалом (как известно, их в типологии вообще тем больше, чем выше уровень изучаемых единиц, — а РЖ представляют очень высокий уровень языка / речи).

У предлагаемой модели обнаруживается еще одно ограничение: по замыслу, выделяемые в ней параметры должны адекватно представить важнейшие речевых картин особенности любой современности (например, в прошлом: современности Пушкина или Шекспира), однако на практике она преимущественно обращена к будущей, или, точнее, новой современности, для осмысления которой используется сравнение с предыдущими (при этом предполагается, что эти предыдущие периоды уже достаточно хорошо осмыслены с речевых картин точки зрения). Именно поэтому, например, описание жанров Интернета предлагается

осуществлять с опорой на понятие вторичного жанра, используя сравнение с первичными, т. е. традиционными, неинтернет-жанрами, которые, конечно, гораздо лучше изучены, а изучение лексики — названий РЖ (в том числе интернет-жанров) — с опорой на этимологию.

Конечно, вниманию читателя были предложены лишь первые шаги, отсюда — неизбежное, по-видимому, ощущение фрагментарности. В будущем необходимо рассмотреть целый ряд очень важных в данном отношении параметров/сфер, не обсуждавшихся здесь, таких как политическая коммуникация (ср. «канцелярит», который закрепляется в языке только после многих тысяч употреблений в речи: яркие примеры таких ситуаций, уже обнаруживающих несомненную жанровую системность, находим в произведениях А. Платонова, М. Зощенко, И. Бабеля 1920—1930-х гг.), художественная масс-культура (эстрадная и авторская песня, монолоог сатириков, а также многочисленные жанры интернет-творчества), реклама, а также общий онтогенез языковой личности (формирование речезанровой компетенции у ребенка, появление в ней жанров, актуальных для той или иной картины современности). Это задачи на будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аверинцев 1986 — Аверинцев С. С. Историческая подвижность категорий жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 104—116. [Averintsev S. S. Historical mobility of genre categories: an attempt of periodization. *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya*. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 104—116.]
- Алпатов 2007 — Алпатов В. М. Заимствования из английского языка и жанровые особенности в японском языке // Жанры речи. Вып. 5: Жанр и культура. Саратов: ИЦ Наука, 2007. С. 345—351. [Alpatov V. M. Borrowings from English and genre peculiarities in Japanese. *Zhanry rechi*. No. 5: *Zhanr i kul'tura*. Saratov: Nauka Publ. Center, 2007. Pp. 345—351.]
- Алпатов 2014 — Алпатов В. М. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. № 1—2 (9—10). С. 9—15. [Alpatov V. M. About two «childhood diseases» of modern linguistics (language, ideology, speech genres). *Zhanry rechi*. 2014. No. 1—2 (9—10). Pp. 9—15.]
- Антология речевых жанров 2007 — Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / Под ред. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. [*Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: everyday communication]. Sedov K. F. (ed.). Moscow: Labirint, 2007.]
- Арутюнова 1992 — Арутюнова Н. Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52—56. [Arutyunova N. D. Communication genres. *Chelovecheskii faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deiksis*. Moscow: Nauka, 1992. Pp. 52—56.]
- Балашова 2009 — Балашова Л. В. Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке // Жанры речи. Вып. 6: Жанр и язык. Саратов: ИЦ Наука, 2009. С. 59—79. [Balashova L. V. Names of speech genres and their components in modern Russian. *Zhanry rechi*. No. 6: *Zhanr i yazyk*. Saratov: Nauka Publ. Center, 2009. Pp. 59—79.]
- Бахтин 1996 — Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 159—206. [Bakhtin M. M. The problem of speech genres. Bakhtin M. M. *Sobraniye sochinenii: V 5 t. T. 5: Raboty 1940-kh nachala 1960-kh godov*. Moscow: Yazyki Russkoj Kul'tury, 1996. Pp. 159—206.]
- Берн 1988 — Берн Э. Игры, в которые играют люди. М.: Прогресс, 1988. [Berne E. *Igry, v kotorye igraut lyudi* [Games people play]. Moscow: Progress, 1988.]
- Бобырева 2007 — Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007. [Bobyreva E. V. *Religiozniy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious discourse: values, genres, strategies (based on the Orthodox Christianity)]. Volgograd: Peremena, 2007.]
- Борисова 2001 — Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. [Borisova I. N. *Russkii razgovornyi dialog: struktura i dinamika* [Russian colloquial dialogue: structure and dynamics]. Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2001.]
- Васильев 2005 — Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа: Гилем, 2005. [Vasil'ev L. M. *Sistemnyi semanticheskii slovar' russkogo yazyka*.

- Predikatnaya leksika* [A systematic semantic dictionary of the Russian language. Predicate lexicon]. Ufa: Gilem, 2005.]
- Вежбицкая 1997 — Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 99—111. [Wierzbicka A. Speech genres. *Zhanry rechi*. Saratov: Kolledzh, 1997. No. 1. Pp. 99—111.]
- Вежбицкая, Годдард 2002 — Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи. Вып. 3. Саратов: Колледж, 2002. С. 118—156. [Wierzbicka A., Goddard C. Discourse and culture. *Zhanry rechi*. No. 3. Saratov: Kolledzh, 2002. Pp. 118—156.]
- Горошко 2011 — Горошко Е. И. «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер, или Что нового появилось в виртуальном жанроведении // Вестник Тверского гос. ун-та. 2011. № 3. С. 11—21. [Goroshko E. I. «Twittering» genre 2.0 Twitter, or What's the news in genre studies. *Vestnik Tverskogo Gos. Universiteta*. 2011. No. 3. Pp. 11—21.]
- Дементьев 1997 — Дементьев В. В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109—121. [Demytyev V. V. The study of speech genres. A survey of works in contemporary rusistics. *Voprosy jazykoznanija*. 1997. No. 1. Pp. 109—121.]
- Дементьев 1999 — Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37—55. [Demytyev V. V. Phatic speech genres. *Voprosy jazykoznanija*. 1999. No. 1. Pp. 37—55.]
- Дементьев 2010 — Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. (Коммуникативные стратегии культуры). [Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [A theory of speech genres]. Moscow: Znak, 2010. (Kommunikativnye strategii kul'tury).]
- Дементьев 2014 — Дементьев В. В. Использование методов корпусной лингвистики в изучении речевых жанров // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2014. Т. 27 (66). № 1. Ч. 1. С. 214—222. [Demytyev V. V. The use of corpus-based linguistics in the study of speech genres. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser. «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii»*. 2014. Vol. 27 (66). No. 1. Part 1. Pp. 214—222.]
- Дубровская 2010 — Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов: Изд-во СГУ, 2010. [Dubrovskaya T. V. *Sudebnyi diskurs: rechevoe povedenie sud'i: Avtoref. dokt. diss.*]. Saratov: Saratov State Univ. Publ., 2010.]
- Дускаева 2012 — Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб.: СПбГУ, 2012. [Duskaeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [Dialogical nature of the newspaper speech genres]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2012.]
- Жанры речи 2007 — Жанры речи. Вып. 5: Жанр и культура. Саратов: ИЦ Наука, 2007. [*Zhanry rechi. Vyp. 5: Zhanr i kul'tura* [Speech genres. No. 5: Genre and culture]. Saratov: Nauka Publ. Center, 2007.]
- Жанры речи 2011 — Жанры речи. Вып. 7: Жанр и языковая личность. Саратов: ИЦ Наука, 2011. [*Zhanry rechi. Vyp. 7: Zhanr i yazykovaya lichnost'* [Speech genres. No. 7: Genre and linguistic personality]. Saratov: Nauka Publ. Center, 2011.]
- Зализняк 2010 — Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162—181. [Zaliznyak A. A. Diary: towards the definition of a genre. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2010. No. 106. Pp. 162—181.]
- Карасик 2013 — Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. [Karasik V. I. *Yazykovaya matritsa kul'tury* [Linguistic matrix of culture]. Moscow: Gnozis, 2013.]
- Китайгородская, Розанова 2010 — Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. [Kitaigorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Yazykovoe sushchestvovanie sovremennogo gorozhanina: Na materiale yazyka Moskvy* [Linguistic existence of the modern citizen: based on the language of Moscow]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- Кожина 1999 — Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. Вып. 2. Саратов: Колледж, 1999. С. 52—61. [Kozhina M. N. Speech genre and speech act (some aspects of the problem). *Zhanry rechi*. No. 2. Saratov: Kolledzh, 1999. Pp. 52—61.]
- Кон 1988 — Кон И. С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1988. [Kon I. S. *Vvedenie v seksologiyu* [Introduction to sexology]. Moscow: Meditsina, 1988.]
- Копотев, Мустайоки 2008 — Копотев М., Мустайоки А. Современная корпусная русистика // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки: Helsinki Univ. Press, 2008. С. 7—24. (Slavica Helsingiensia. № 34.) [Kopotev M., Mustajoki A. Contemporary corpus-based Russian linguistics. *Instrumentarii rusistiki: korpusnye podkhody*. Helsinki: Helsinki Univ. Press, 2008. Pp. 7—24. (Slavica Helsingiensia. No. 34.)]

- Кронгауз 2009 — Кронгауз М. Публичная интимность // Знамя. 2009. № 12. С. 162—167. [Krongauz M. Public privacy. *Znamya*. 2009. No. 12. Pp. 162—167.]
- Лебедева 2007 — Лебедева Н. Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 116—123. [Lebedeva N. B. Genres of natural written speech. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya*. Moscow: Labirint, 2007. Pp. 116—123.]
- Лотман 1994 — Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство — СПб., 1994. [Lotman Yu. M. *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations about the Russian culture: life and traditions of the Russian nobility (18th — the beginning of the 19th centuries)]. St. Petersburg: Iskustvo — St. Petersburg, 1994.]
- Олешков 2012 — Олешков М. Ю. Педагогический дискурс: Учеб. пособие для студентов вузов. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2012. [Oleshkov M. Yu. *Pedagogicheskii diskurs: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Pedagogical discourse: A manual for universities and colleges]. Nizhni Tagil: Nizhni Tagil State Social-Pedagogical Academy, 2012.]
- Орлова 1997 — Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 51—56. [Orlova N. V. Genres of colloquial speech and their «stylistic processing». Towards the correlation of style and genre. *Zhanry rechi*. Saratov: Kolledzh, 1997. No. 1. Pp. 51—56.]
- Палашевская 2012 — Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2012. [Palashevskaya I. V. *Sudebnyi diskurs: funktsii, struktura, narrativnost': Avtoref. dokt. diss.* [Legal discourse: functions, structure, narrativity: Author's abstract of the doct. diss.]. Volgograd: Volgograd State Pedagogical Univ., 2012.]
- Покровская и др. 2011 — Покровская Е. А., Дудкина Н. В., Кудинова Е. В. Речевые жанры в диалоге культур. Ростов-на-Дону: Foundation, 2011. [Pokrovskaya E. A., Dudkina N. V., Kudinova E. V. *Rechevye zhanry v dialoge kul'tur* [Speech genres in the dialogue of cultures.]. Rostov-na-Donu: Foundation, 2011.]
- Пономаренко 2011 — Пономаренко Е. А. Речевые жанры в медицинском дискурсе (в произведениях русских писателей-врачей). Симферополь: Дом Писателей им. Домбровского, 2011. [Ponomarenko E. A. *Rechevye zhanry v meditsinskoi diskurse (v proizvedeniyakh russkikh pisatelei-vrachei)* [Speech genres in the medical discourse (in the texts of Russian doctor writers)]. Simferopol': Dombrovsky Writers' House, 2011.]
- Ратмайр 2013 — Ратмайр Р. Русская речь и рынок. Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянских культур, 2013. [Rathmayr R. *Russkaya rech' i rynek. Traditsii i innovatsii v delovom i povsednevnom obshchenii* [Russian speech and the market. Traditions and innovations in business and everyday communication]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2013.]
- Рогачева 2011 — Рогачева Н. Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Изд-во СГУ, 2011. [Rogacheva N. B. *Struktura i funktsionirovanie vtorichnykh rechevykh zhanrov internet-kommunikatsii (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov): Kand. diss.* [Structure and functioning of secondary speech genres of Internet communication (based on the material of Russian and English): Cand. diss.]. Saratov: Saratov State Univ. Publ., 2011.]
- Рождественский 1978 — Рождественский Ю. В. О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // Паремнологический сборник. М.: Наука, 1978. С. 211—230. [Rozhdstvenskii Yu. V. The rules of conducting speech, according to proverbs and sayings. *Paremiologicheskii sbornik*. Moscow: Nauka, 1978. Pp. 211—230.]
- Русский язык 1996 — Земская Е. А. (ред.). Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М.: Языки русской культуры, 1996. [Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985—1995) [The Russian language of the end of the 20th century (1985—1995)]. Zemskaya E. A. (ed.). M.: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Салимовский 2002 — Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. [Salimovskii V. A. *Zhanry rechi v funktsional'no-stilisticheskom osveshchenii (nauchnyi akademicheskii tekst)* [Speech genres in the functional-stylistic light (scientific academic text)]. Perm': Perm Univ. Publ., 2002.]
- Седов 2006 — Седов К. Ф. Жанры коммуникации: болтовня, светская беседа, разговор по душам // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 6. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. С. 85—97. [Sedov K. F. Genres of «idle speech» communication: idle talk, exchange of courtesies, heart-to-heart conversation. *Problemy rechevoi komunikatsii*. No. 6. Saratov: Saratov Univ. Publ., 2006. Pp. 85—97.]

- Седов 2011 — Седов К. Ф. Речевая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // *Жанры речи*. Вып. 7: *Жанр и языковая личность*. Саратов: ИЦ Наука, 2011. С. 25—47. [Sedov K. F. Speech genre identity as a component of a person's communicative competence. *Zhanry rechi*. No. 7: *Zhanr i yazykovaya lichnost'*. Saratov: Nauka Publ. Center, 2011. Pp. 25—47.]
- Сиротинина 2013 — Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. [Sirotnina O. B. *Russkii yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [The Russian language: system, usage and the risks created by them]. Saratov: Saratov Univ. Publ., 2013.]
- Скляревская 2001 — Скляревская Г. Н. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М.: Изд-во Астрель, 2001. [Sklyarevskaya G. N. *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovye izmeneniya kontsa XX stoletiya* [An explanatory dictionary of Modern Russian. Language changes of the end of the 20th century]. Moscow: Astrel' Publ., 2001.]
- Современный русский язык 2008 — Крысин Л. П. (ред.). Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. [Sovremennyy russkii yazyk: *Aktivnye protsessy na rubezhe XX—XXI vekov* [Modern Russian: Active processes at the turn of the 21st century]. Krysin L. P. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Старобинский 2002 — Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Starobinski J. *Poeziya i znanie: Istoriya literatury i kul'tury* [Poetry and knowledge: History of literature and culture]. Vol. 1. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Стернин 1996 — Стернин И. А. Светское общение. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. [Sternin I. A. *Svetskoe obshchenie* [Small talk]. Voronezh: Voronezh State Univ. Publ., 1996.]
- Федосюк 1997 — Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 102—120. [Fedosjuk M. Ju. Unsolved problems of the theory of speech genres. *Voprosy jazykoznanija*. 1997. No. 5. Pp. 102—120.]
- Фенина 2005 — Фенина В. В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Изд-во СГАП, 2005. [Fenina V. V. *Rechevye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoi i russkoi kul'turakh: Kand. diss.* [Small talk and social conversation speech genres in the English-American and Russian cultures. Cand. diss.]. Saratov: Saratov State Academy of Law Publ., 2005.]
- Шейгал 2004 — Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. [Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of the political discourse]. Moscow: Gnozis, 2004.]
- Шерстяных 2013 — Шерстяных И. В. Теория речевых жанров: Лекционно-практический курс для магистрантов. М.: Флинта: Наука, 2013. [Sherstyanykh I. V. *Teoriya rechevykh zhanrov: Lektsionno-prakticheskii kurs dlya magistrantov* [A theory of speech genres. Lectures and practical course for graduate students]. Moscow: Flinta: Nauka, 2013.]
- Шеффер 2010 — Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр? М.: Едиториал УРСС, 2010. [Sheffer Zh.-M. *Chto takoe literaturnyi zhanr?* [What is literary genre?] Moscow: Editorial URSS, 2010.]
- Шмелева, Шмелев 2002 — Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkii anekdot: tekst i rechevoi zhanr* [Russian anecdote: text and speech genre]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Шмелева Т. 1997 — Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи*. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997. С. 88—98. [Shmeleva T. V. A model of speech genre. *Zhanry rechi*. No. 1. Saratov: Kolledzh, 1997. Pp. 88—98.]
- Шмелева Т. 2012 — Шмелева Т. В. Жанр в современной медиасфере // *Жанры речи*. Вып. 8: *Жанр и творчество*. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. С. 26—37. [Shmeleva T. V. Genre in modern mediasphere. *Zhanry rechi*. No. 8: *Zhanr i tvorchestvo*. Saratov; Moscow: Labirint, 2012. Pp. 26—37.]
- Щипицина 2009 — Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Поморский университет, 2009. [Shchipsitsina L. Yu. *Zhanry komp'yuterno-oposredovannoi kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication]. Arkhangel'sk: Pomor'e Univ., 2009.]
- Щурина 2012 — Щурина Ю. В. Вторичные комические речевые жанры интернет-коммуникации // *Коммуникация. Мышление. Личность: Матер. междунар. науч. конф., посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова*. Саратов: ИЦ Наука, 2012. С. 464—474. [Shchurina Yu. V. Secondary comic speech genres of Internet communication. *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost'*: *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professorov I. N. Gorelova i K. F. Sedova*. Saratov: Nauka Publ. Center, 2012. Pp. 464—474.]
- Язык о языке 2000 — Язык о языке / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. [Yazyk o yazyke [Language about language]. Arutyunova N. D. (advisor and ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]

- Abrahams 1974 — Abrahams R. D. Black talking on the streets. *Explorations in the ethnography of speaking*. Chapter IV: Speech acts, events, and situations. New York: Cambridge Univ. Press, 1974. Pp. 240—262.
- Adamzik 1995 — Adamzik K. *Textsorten — Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie*. Münster: Nodus Publ., 1995. (Studium Sprachwissenschaft. 12.)
- Coupland 2000 — Coupland J. (ed.). *Small talk*. Harlow: Longman, 2000.
- Dönninghaus 2001 — Dönninghaus S. Sprechakt und Kommunikationsgenre. (Theoretische Aspekte der sprachlichen Interaktion.) *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (PolySlav)*. Bd 4. München: Otto Sagner, 2001. S. 69—79.
- Dönninghaus 2005 — Dönninghaus S. *Die Vagheit der Sprache: Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftssprache (Slavistische Studienbücher. Neue Folge)*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005.
- Fix 2008 — Fix U. *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme GmbH, 2008.
- Gatunki mowy 2000—2007 — *Gatunki mowy i ich ewolucja*. Pod red. D. Ostaszewskiej. T. 1: *Mowy piękno wielorakie*. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2000; T. 2: *Tekst a gatunek*. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2004; T. 3: *Tekst a odmiany funkcjonalne*. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2007.
- Hanks 2000 — Hanks W. F. Dialogic conversions and the field of missionary discourse in Colonial Yucatan. *Les Rituels du Dialogue*. Monod Becquelin A., Erikson P. (eds). Nanterre: Société d'Ethnologie, 2000. Pp. 235—254.
- Herring 2007 — Herring S. C. A faceted classification scheme for computer-mediated discourse. *Language@Internet*. 2007. No 4.
- Integrum 2006 — *Integrum: точные методы и гуманитарные науки*. М.: Летний сад, 2006. [*Integrum: tochnye metody i humanitarnye nauki* [Integrum: precise methods and the humanities]. Moscow: Letniy Sad, 2006.]
- Kitzmann 2006 — Kitzmann A. *Hypertext handbook: The straight story*. New York: Peter Lang, 2006.
- Lakoff 2001 — Lakoff R. *The Language war*. Berkeley: Univ. of California Press, 2001.
- Lakoff 2006 — Lakoff R. Identity à la carte: You are what you eat. *Discourse and identity*. De Fina A., Schiffrin D., Bamberg M. (eds). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. Pp. 142—165.
- Mustajoki 2013 — Mustajoki A. Title risks of miscommunication in various speech genres. *Understanding by communication*. Borisova E., Souleimanova O. (eds). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. Pp. 33—53.
- Swales 1990 — Swales J. M. *Genre analysis: English in academic and research settings*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
- Tannen 2010 — Tannen D. Abduction and identity in family interaction: Ventriloquizing as indirectness. *Journal of pragmatics*. 2010. Vol. 42. No. 2. Pp. 307—316.
- Wierzbicka 2006 — Wierzbicka A. Anglo scripts against 'putting pressure' on other people and their linguistic manifestations. *Ethnopragmatics: Understanding discourse in cultural context*. Goddard C. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. Pp. 31—63.
- Witosz 2005 — Witosz B. *Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2005.
- Wojtak 2011 — Wojtak M. *Współczesne modlitewniki w oczach językoznawcy. Studium genologiczne*. Tarnów: Biblos, 2011. (Teolingwistyka, t. 9.)

Статья поступила в редакцию 08.11.2014.